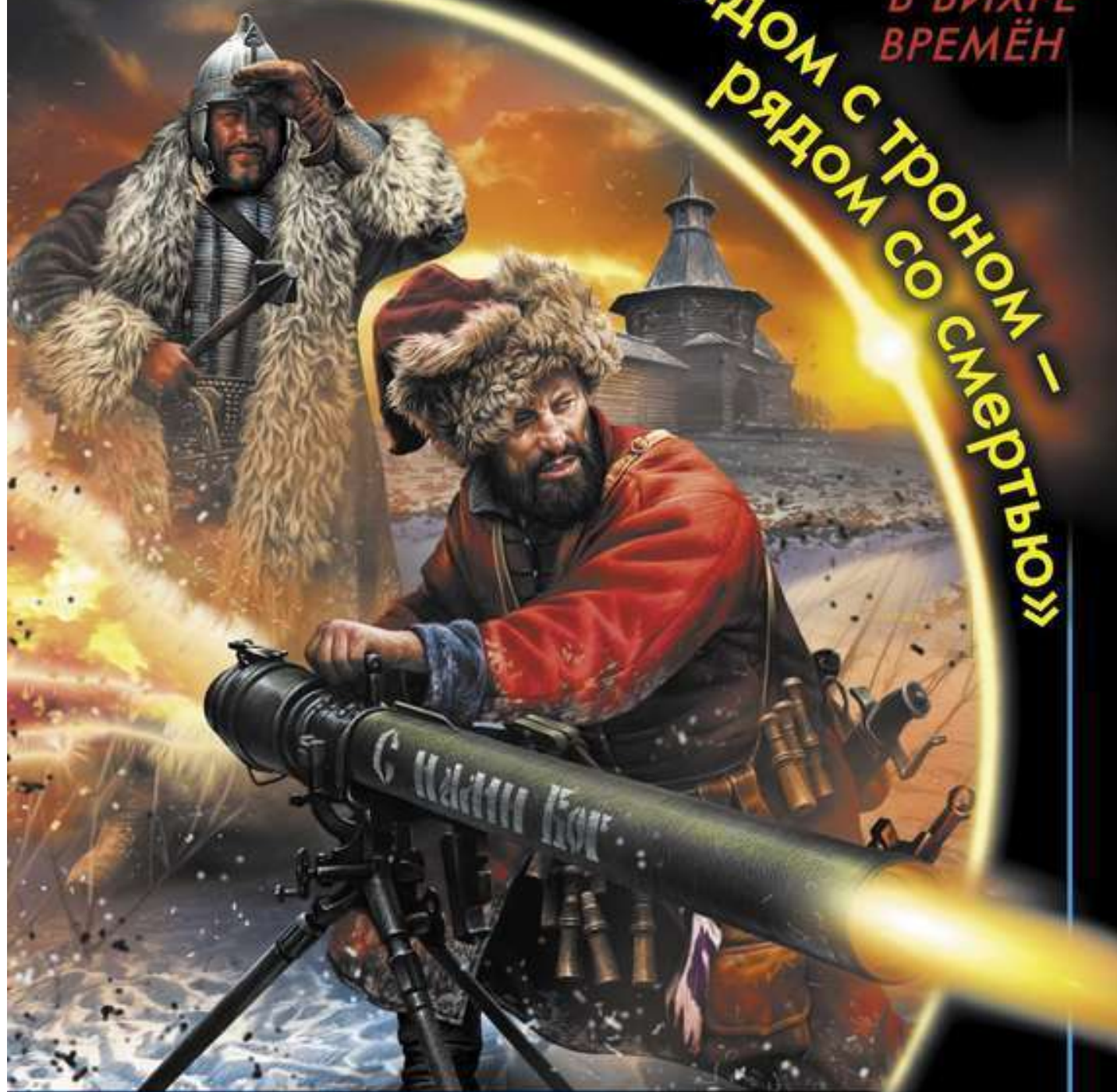

ПОСЛЕДНИЙ КНЯЗЬ УДЕЛА

В ВИХРЕ
ВРЕМЁН
«Рядом с троном —
рядом со смертью»

Дмитрий ДЮКОВ

Последний князь удела

Дмитрий Дюков

**«Рядом с троном –
рядом со смертью»**

«Яуза»

2014

Дюков Д.

«Рядом с троном – рядом со смертью» / Д. Дюков — «Яуза»,
2014 — (Последний князь удела)

«Рядом с троном – рядом со смертью» – в правоте этой поговорки предстоит убедиться нашему современнику, оказавшемуся в теле сына Ивана Грозного юного царевича Димитрия. Каково это - знать, что обречен на заклание, и в ближайшее время тебя должны зарезать наемные убийцы? Как выжить в чужом времени, где на тебя устроена настоящая охота? Удастся ли «попаданцу» отменить смертный приговор не только себе, но и всему Московскому Царству? Станет ли последний князь удела Царем Святой Руси, чтобы спасти Родину от Великой Смуты?

© Дюков Д., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 7	21
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	30
Глава 11	33
Глава 12	37
Глава 13	40
Глава 14	42
Глава 15	47
Глава 16	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дмитрий Дюков

Последний князь удела. «Рядом с троном – рядом со смертью»

Пролог

Тихим тёплым июньским вечером молодой мужчина, довольно хорошо одетый, шёл по набережной небольшого провинциального среднерусского городка. Он возвращался в гостиницу с делового обеда, плавно переросшего в весёлый ужин, на котором отмечалась удачная коммерческая сделка с местным владельцем чудом сохранившегося завода. Идти было недалеко, от шумных провожатых заезжий коммерсант с шутками отделался и по-своему наслаждался жизнью, прогуливаясь вдоль величественной реки. Поэтому две перегородившие ему путь тени воспринял с большим чувством негодования, усилившимся, когда он услышал произнесённую хриплым голосом просьбу о материальном вспомоществовании.

– Вы чё, козлы, охамели?! – с таким возгласом загулявший мужчина попытался перейти к физическому воспитанию местных хануриков, благо на здоровье и физическую форму пока не жаловался, но тут же почувствовал сильнейший толчок в спину.

– Вот хрень! – с этой мыслью земля вокруг него закрутилась, и, падая лицом на землю, удара об неё человек, бывший еще недавно живым, не почувствовал, нырнув в темноту, как в глубокую воду.

К несчастью для нашего героя, Скопина Валерия Николаевича, перейти к небытию для него оказалось непросто. Неизвестно, что привело к такому итогу – заслуги ли его в прошлой жизни, грехи, или просто так совпали звёзды на вселенском просторе, но через краткий миг темноты он вынырнул на свет. Однако происходящее Валерия Николаевича полностью дезориентировало.

Он, вполне состоявшийся, обеспеченный человек, стоял в ранних сумерках на каких-то задворках, причём ему было очень холодно и плохо. Повернув потяжелевшую голову, господин Скопин осознал полную нереальность происходящего. Он стоял разутый, полураздетый чёрт знает где, причём стоял явно на снегу. Напротив него какой-то клоун в подобии матросского костюмчика что-то нудно зачитывал по бумажке, чему лениво вникала еще пара колоритно одетых персонажей.

Внезапно пришла спасительная мысль: розыгрыш. Это розыгрыш его армейского друга и делового партнёра Володьки Шумова. Только этому члену совета директоров и одновременно акционеру крупного металлургического холдинга было по карману оплатить инсценировку подобного масштаба. Правда, зачем он это сделал, было совершенно непонятно, но версия о розыгрыше была явно приятней другой родившейся в сознании версии – о белой горячке.

– Где Вовка, черти? – попыталась произнести жертва предполагаемого розыгрыша, однако вместо слов сорвался хриплый шёпот, язык плохо слушался, а попытка сменить позу привела к подгибанию коленей.

– Спёкся, контра, – радостно воскликнул странный чтец. – Давай, выводи его в расход, ребята.

Грохот в ушах совпал с резкими ударами в тело, острая боль, разрывающая на части сознание Валеры, вырвала из его чувств все надежды на то, что происходящее окажется шуткой. А дальше для Валерия Скопина, в крещении раба божьего Димитрия, начался вполне прозаический ад.

Глава 1

«Что же, что же это со мной?» – мысль пропадала и возникала снова во время бросков из темноты на свет. На свет я всегда выныривал быстро, а вот в темноту уходил по-разному, иногда с радостной легкостью, иногда со страшными муками, заставлявшими трепетать все клетки тела.

Во время первой затянувшейся задержки на светлой стороне бытия я ещё пытался судорожно понять происходящее, размышляя об этом всё время, пока меня носило по свинцово-серому морю. Моё тело, упакованное в спасательный жилет, дало возможность системно мыслить практически вечность, возможно даже, целый час. За это время я вполне понял, что либо сошёл с ума, либо тело мне принадлежит явно недавно. Этот вывод позволяла сделать память, услужливо подсказывая, что родился я светлокожим европейцем, а не темнокожим негром преклонных лет.

Вторая моя длительная остановка на белом свете была относительно условной, поскольку я был то ли похоронен, то ли засыпан в узком тупиковом лазе. Всё время очередной остановки на этом свете я потратил на судорожные усилия вспомнить хоть одну каноническую молитву. Почему-то казалось, что это должно помочь, однако более пары строк из покорёженного сознания вытащить не удалось.

Когда, не заметив перехода, я из подземной западни оказался внутри обычного деревенского сруба, причём один и не привязанный, мне показалось, что Бог услышал мои молитвы и страдания подошли к концу. Однако полное отсутствие окон и намертво припёртая дверь давили надежду и заселяли тревогу. Сквозь незаконопаченные брёвна сруба было ничего не видно, зато неплохо слышно. Сильный, хорошо поставленный мужской голос нараспев произносил какую-то длинную речь, язык был явно славянский, многие слова звучали по-русски, хотя и несколько архаично. После прекращения речи вокруг моей странной избы закрипели шаги, и сквозь щели потянуло горячим дымом. Крушение надежд на скорое избавление было не менее мучительно, чем охватившее меня вскорости пламя.

В следующее появление на свет я оказался в теле, падающем ничком на утоптанную серую землю. В падении, судорожно пытаюсь зацепиться руками за воздух, моё новое тело увидело на земле торчащую острую железяку. Тщетно попытавшись извернуться, со всего размаху напоролся лицом на проклятый штырь. Приколотый, как музейная бабочка булавкой к ткани, этим гвоздём-переростком к земле, я судорожно забился от боли. Через мгновение, ценой куска кожи со щеки, мной была обретена свобода. Перевернувшись на спину, новый симбионт пытался надышаться свежим, вкусным воздухом перед надвигавшимся неизбежным финалом. Однако возвращение в темноту всё не приходило, а вокруг ожидающего очередного небытия тела наблюдались удивительные явления. Три огромного роста и размера тётки в фольклорных костюмах, громко вопя и заламывая руки, сустились вокруг нового вместилища моего разума, а из-за их спины испуганно выглядывали несуразно крупные дети.

Одна из причитающих женщин, мгновенно успокоившись, начала махать рукой, зовя кого-то.

– Осип! Подь сюды к государю, Осип!

Тут же явился и Осип, здоровенный детина, который, закатав рукава, деловито потянулся ко мне, пытаюсь одной рукой прижать к земле, а другой вытащить из земли рядом со мной железный прут, при рассмотрении оказавшийся гранёным лезвием. «Вот и мучитель явился», – мелькнула мысль, а злая баба ещё и подначивала его, приговаривая:

– Свайку-то, свайку ухватистей бери, Осип.

Хотя сознание и говорило, что сопротивление лишь удлинит страдания, тело без боя сдаваться не собиралось. Крутясь ужом, я пытался руками оттолкнуть страшный нож, пускал в ход и зубы, чтобы заставить врага отпустить меня.

– Ай, грызется, маманя, – жалобился незадачливый убийца. – Ужо всю руку поел!

– Ничто, заживёт, – отвечала та. – Вот ужо Микитка в помощь прибёт.

Поняв, что лезут ко мне уже двое, я поднял крик, пытаясь кричать что-то вроде:

– Караул! Убивают, спасите!

Получалось крайне плохо, язык заплетался, однако когда всё же вышло, эти двое душегубов отскочили от меня, как ошпаренные. Рядом уже собрались и наблюдали несколько человек, гудел неразличимый гомон. Тут внезапно всё стихло, напротив меня стояли и крутили головой двое парней в окровавленной одежде, и один из них держал в руке нож. Тишину пререзал высокий женский крик:

– Воры, убийцы государевы!

Тут же в вышине ударил набат.

Парни бросились бежать, причём один из них прочь, а другой, наоборот, в сторону кричавшей женщины.

Добежав до неё, он упал на колени и, хватая окровавленными руками подол богато выглядявшего сарафана, заголосил:

– Помилуй мя, государыня царица Марья Фёдоровна, в падучей княжич бился, берегли мы ево, чтоб не убился до смерти.

– Княжич? – Красивое лицо женщины побелело и исказилось. – Эй, дворовые и сыны боярские, хватайте сего убойцу, держите накрепко!

В поднявшейся тут же суматохе, под набатный бой, последняя из оставшихся рядом тёток подхватила меня на руки и, обливаясь слезами, потащила к стоящему недалеко огромному терему, не обращая внимания на моё слабое сопротивление. Из её рук меня почему-то спасти никто не рвался, уже поднятый на крыльцо, я увидел, как красивая княгиня лупит чем под руки попадёт ту злую мегеру, что призвала ко мне этих неловких убийц.

Глава 2

Через пару суматошных минут, проскочив лабиринт комнат и переходов, мы оказались в светлом помещении, куда немедленно начал набиваться взволнованный люд. Чуть отдышавшись и немного успокоившись, я понял, что, похоже, закидывать мой разум обратно во тьму никто в ближайшее время не собирается. Следующим открытием стало то, что моим нынешним вместилищем оказалось тело ребёнка, и именно поэтому все окружающие казались мне великанами. Навострив уши, я пытался понять, куда меня забросила непонятная мне сила, чего ждать в дальнейшем и как максимально отсрочить очередной бросок в темноту.

Спустя непродолжительное время из кучи услышанных разноречивых сведений в голове пыталась сложиться мозаика понимания, и так мне стало известно, что зовут мое тело «Димитрий», его статус то ли царевич, то ли княжич, во дворе сейчас царица Марья убивает мою мамку боярыню Василису Волохову и повелела смертью казнить её сына Осипа и что то ли Димитрий, бившись в чёрной болезни, решил кого погубить, то ли Димитрия смертью жизни лишить хотели. Вот чёрт, похоже, напуганный разум принял попытку первой помощи за покушение на убийство и, оклеветав, приговорил к смерти мать и сына. Да уж, следующий перенос, думаю, будет прямиком в вечное пекло! Пока я пытался в голове сложить одно к другому, раны на лице, руках и плече были омыты водой и перевязаны чистыми льняными тряпицами.

– Кто ты? – слетел с моего языка крутившийся там уже порядочное время вопрос к заботящейся обо мне женщине.

Услышав его, она закрыла руками лицо и заплакала. Стоявший рядом с медным умывальником мужик вздрогнул и пробормотал:

– Обяспамятел, спаси господь! Мало ли за свои неполные девять лет кручины досталось сыну блаженной памяти государя Ивана Васильевича, так новая напасть – разумом мальчишка притомился.

Далее, из прерывавшихся всхлипами пояснений, стало ясно, что страдалица эта – кормилица царевича Арина Тучкова, мнущийся рядом здоровенный лоб – её муж Ждан, дядька царевича, а крутящийся рядом мальчишка – сын Баженко, молочный брат царевича и постоянный участник всех его забав. Вот царевич Дмитрий, стало быть, я, мать моя – царица Марья Фёдоровна¹, а быют смертным боем старшую няньку Василису, «мамка» – это её должность, как и звание «дядька» у Ждана, который, видимо, был вроде воспитателя. Больше меня поразило, что отцом моим здесь считали покойного государя Ивана Васильевича. Знание истории не являлось моей сильной стороной, я помнил только то, что вскоре после смерти самого известного из царей с таким именем началась великая русская Смута. Меж тем крики переместились с заднего двора к парадному крыльцу и стали злее и громче.

Бросившись к окну, я стал немым зрителем разворачивающейся трагедии, которую подробно комментировали дядька Ждан и Баженко. Чиновник в красном кафтане, возвышая голос, призывал толпу разойтись.

– Ишь, дьякто, Михайла, как посадских и дворовых хулит, – сообщал муж кормилицы. – Вон Тихон Быков, – указывал он на подзадоривающего толпу парня. – Всякой замятне первый заводчик.

К крыльцу на коне подлетел вооружённый, богато одетый дворянин, следом другой, далее начали подбегать их вооружённые слуги.

– Братья царицы Михаил и Григорий, – назвал их молочный брат и покосился на отца. – Как бы худа не вышло.

---

¹ Мария Нагая – Мария Фёдоровна Нагая, царица, последняя жена Ивана IV, дочь окольничего Фёдора Фёдоровича Нагого.

Соскочивший первым с коня Михаил ² покачнулся, но устоял, удержанный под руки дворней, и тут же начал громким пьяным голосом пререкаться с дьяком. Короткая перепалка закончилась его рёвом:

– Бей их, душегубцев!

Началось убийство безоружных людей рассвирепевшей толпой. Редкие голоса, призывавшие опомниться, не были услышаны.

– То Истомка, добрый, богобоязненный посадский человек, – назвал мой дядька человека, тщетно пытавшегося остановить кровопролитие. Четверть часа, показавшиеся мне вечностью, были наполнены криками и мольбами погибавших людей, убиты были и дьяк, и приехавшие с ним его дворовые, и племянник его Никита, также пытавшийся сберечь царевича, а также пара посадских жителей. Лишь Осип Волохов с матерью успел укрыться в каменной церкви, да несколько человек смогли убежать прочь. Оставив несколько человек караулить у входа в собор, толпа двинулась во двор.

– Ко дьяческой избе повалили, да и на подворье тож, – тихо проговорил Ждан. – Много дурна сделают, да злое дело сотворят, прибьют Авдотью, жену Михайлы Битяговского ³ с малыми ребятами – сыном Данилой да дочками, Дунькой да Машкой, а Машка та – суший младенчик.

– Слыхивал я, батюшка, поутру лаялись бранно дьяк с Михайлой сыном Фёдоровым, не далде Битяговский денег тому сверх царёва жалованья. Да исчо требовал приказной посоху углецкую – пятьдесят людишек на царёво дело, и на то ярился брат царицын, – добавил младший Тучков.

Тут на меня нахлынули воспоминания прошлой жизни, как играл с трехлетней племянницей Машей. Своих-то детей не сподобился завести, и пришло осознание, что стать сторонним свидетелем убийства малышей я не в силах. И чем бы всё ни кончилось, надо постараться вмешаться. Однако решиться оказалось проще, чем сделать, тело практически не слушалось, выполняя движения с грацией паралитика. Кормилица кликнула Самойлу Колобова, и вместе с воспитателем они под руки потащили меня к парадному входу. Пока мы доковыляли до каменного собора с пристроенными к нему по бокам деревянными церквями, туда уже возвратилась часть погромщиков во главе с моим здешним дядей Михаилом Фёдоровичем. С собой они притащили на суд царицы в кровь избитую, полураздетую, простоволосую женщину, еле стоящего на ногах от побоев паренька лет тринадцати да двух девчушек, старшая из которых держала на руках младшую. Тут же в ногах у Марии Фёдоровны валялась мать несчастного Осипа, умоляя дать им сыск праведный, но разъярённая женщина была непреклонна. Первым потащили на расправу сына дьяка Данилу, но казни успел помешать я, повиснув на назначенном в жертву паренке. Растерянные конюхи и слуги отпустили его, и, не устояв, мы упали на истоптанную, серокоричневую землю. Однако ж главарь убийц был твёрдо намерен довести дело до конца, став оттаскивать меня в сторону.

Пребывая в бешенстве, не придя в себя после крепкой попойки, мой родственник в этом мире дядя поднял своего высокородного племянника за шкуру, дал крепкого тумака, пару раз встряхнул как котёнка и отбросил прочь. Но всё же заступничество предполагаемой жертвы заставило большую часть взбодораженных людей приостыть. На счастье, тут к храму прибыло несколько священнослужителей, двое из которых, по всей видимости, были высокого ранга, и, вступившись за семью Битяговского, они смогли увести их с собой. Упустив семью своего недруга, старший брат царицы вспомнил о прятавшемся во Спасе парне, по его указу тот был вытащен и убит на глазах своей обливающейся слезами матери. Закончив расправу, погром-

---

² Михаил Нагой – Михаил Фёдорович Нагой, старший брат Марии Фёдоровны Нагой, последней жены Ивана IV.

³ Михаил Битяговский – дьяк, управитель земскими делами Углича, представитель государственной администрации.

щики направились грабить и бить друзей да сторонников погибших, а меня в очередной раз потащили на второй этаж княжеских палат.

Глава 3

– Эко окаянство браты царицыны учинили, – вздыхал дядька Ждан. – Сами в грех смертный впали, да посадских в обещники, в прямые пособники своему злодейству покрутили.

– Жди таперича царёвых приставов, а, поди, неумытны ⁴ явятся, на наше невеликое серебро не падки, так и на плаху взойтить мочно за убойство великокняжеских людишек, спаси Господи, – вторила ему жена.

То ли от смутных угроз, то ли от общего нервного расстройства конечности новообретённого пристанища души стала скручивать судорога, заворачивая в тугую узел всё тело несчастного царевича.

– Господи, сызнова чёрная болезнь государя крутит, – заплакала кормилица.

– Нет, иное тут, – встревожился её супруг, прижимая к себе мою бьющуюся голову. – Кликни травницу лечбу творить, пястью своей тяжелой Михаил Фёдорович, кажись, кость головную проломил соколу нашему. Да батюшку зови, ежели приспееет, не дай бог, кончина, то до Святых Тайн бы причастил.

Готовясь к неизбежному, разум ждал броска в темноту, но хватать его гудящая чернота не торопилась. Пытаясь уберечься от кружащегося мира, я прикрыл глаза и, когда открыл, оказался там, где больше всего боялся очутиться. Окружающая меня вечная ночь была, как ни странно, совсем не безмолвна, невдалеке явственно слышался свистящий шёпот. И этот странный шёпот до изумления был похож на храп младшего брата, остававшегося в далёкой, потерянной прежней жизни.

Внезапно оживилась память, полностью заполняя сознание образами из прошлого. Вспомнилось детство, большей частью проведённое в селе под Воронежем, где наш с братом отец работал совхозным агрономом. Мать, рано оставившая нас вдвоём с братом на руках у безутешного отца и, надеюсь, ушедшая в небесный сад. Я рано начал работать, помогая отцу, потом по окончании школы пошёл учиться в медицинский техникум, находящийся в областном центре. Оттуда был призван в армию, где занимал необременительную должность фельдшера, после окончания службы, на удивление сам себе, довольно легко поступил в мединститут. Диплом достался мне уж вовсе чудом, последние курсы были посвящены чему угодно, но только не занятиям.

Распределение, новая работа, новые друзья, но тут совершенно неожиданно светлая полоса оборвалась. Весёлый праздник закончился хмурым утром, регулярное похмелье и систематический юношеский недосып сделали своё дело, и, не обзаведясь ещё благодарными излеченными пациентами, я уже обзавёлся персональным докторским кладбищем. Главврач оказался старой закалки, сор был вынесен из избы и направлен напрямик в прокуратуру. На счастье, амнистия не заставила себя ждать, и тюремной баланды отведать не довелось. Однако врачебная карьера оказалась закрыта раз и навсегда. Но уже были кооперативные времена, и Валера Скопин с увлечением окунулся в алчный мир чистогана. Чем только не пришлось заниматься бывшему врачу: торговля десятком видов товара от вездесущих китайских шмоток до новых ядохимикатов, производства ряда малонужных вещей и даже самостоятельная добыча ценных элементов из остатков продукции военных заводов. Вот на реализации этих благородных металлов, выделенных из отходов производства, Валерий и погорел во второй раз.

Но тут, без всяких на то причин, цвет жизненной полосы изменился вновь. Встреченный в коридоре суда старый армейский товарищ оказался не чужд чувства благодарности и наконец отплатил добром за расхищаемый в былые дни воинской службы для совместного увеселения казённый спирт. Конфликт с законом прекратился так же неожиданно, как и начался, а Вовка

---

⁴ Неподкупны (*старорусск.*).

Шумов продолжал с видом деда Мороза извлекать из волшебного мешка подарки. Вот так и стал весёлый парень Валерка господином директором столичного холдинга с непроизносимым названием из нечитаемого набора букв. Теперь бывший врач, мелкий коммерсант и нелегальный золотодобытчик в одном лице занимался поставками огнеупоров, шихт и прочих нужных подсобных материалов на предприятия, входящие в контролируемую господином Шумовым металлургическую корпорацию.

Лёжа в неизвестном ему месте, этот ныне смиренный раб божий пытался понять: ну что же я такого сделал, чем же согрешил, за что такое наказание господне?

Грехов было немало, но вроде на такую тяжкую кару в форме бесконечных мучений и смертей они не тянули и по совокупности. Поток мыслей был прерван сильным желанием сходить по малой нужде. Это вынудило меня попытаться сначала сесть, а потом и слезть со спального ложа и, шаря руками в пустоте, двинуться на шум. Через десяток мелких шажков рука схватила что-то колючее и пушистое, где-то совсем близко от источника странных звуков.

Тут же меня оглушило и сбило с ног диким рёвом:

– А-а-а, чур меня, анчутка!

Таинственность странного места тут же пропала, сменившись суетой и сутолокой трёх мужиков в небольшой полутёмной комнате. Запалив лампы по стенам, они нашли своего государя забившимся в щель между двумя здоровенными сундуками, причем с намертво зажатым в руках куском бороды одного из них. После опознания в одном из ночных гостей почти уже родного Ждана Тучкова приступ панического страха прошёл. Царицыны же слуги, выяснив, что царевич вновь не в себе, назвались и стали пытаться общаться с помощью простых слов и жестов.

Козлов Андрей да Иван Лошаков оказались сынами боярскими царицыного двора, то есть относились к служилым людям, ответственным за военное дело и охрану. Поэтому и были приставлены к моему телу для его постоянного обережения. Дядька Ждан понял желания царевича с полунамека и подал медный сосуд, который, видимо, и предназначался для использования в качестве ночного горшка. Попытка справить нужду самостоятельно была позорно провалена, поскольку одновременно задира́ть длинную холщовую рубаху и держать вазу было крайне неудобно. Один из телохранителей, Андрей, взялся рьяно помогать, чем невольно вогнал меня в краску.

После же я насколько смог довёл до них мысль о том, что государь Димитрий Иоаннович весьма голоден. Задумавшийся воспитатель сообщил:

– В княжой-то трапезной Михайло Нагой пьян спит, вечерали запоздно с царицей родня ея, вот и притомился. Не смогли ево людишки ко двору свести, вот и остался на лавке ночевать.

Встречаться с буйным дядюшкой не хотелось, а в комнату, где питались слуги, вести меня напрочь отказывались. Спустя некоторое время придворные уступили капризному царевичу и, приодев, под руки повели через галереи каменных палат в людскую, что находилась в кормовом дворце. Вообще внутреннее убранство дворца не впечатляло: минимум мебели, сплошные сундуки, лари да лавки со спящими людьми по стенам. Никаких украшений и излишеств замечено не было, если не считать ими обязательные иконы в большинстве комнат. Перейдя через небольшой двор, наша процессия оказалась в просторном зале с несколькими печами, у которых уже возились повара.

Ткнув в первый попавшийся горшок, парящий запахом пищи, я велел:

– Подавайте!

Охранник Иван принялся уговаривать:

– Погоди чуток, государь, ключник вборзе ⁵ буде, отворит ледник да кормовые клетки, там господарские яства.

---

⁵ Вборзе – вскоре (*старорусск.*).

Природное упрямство заставило повторить:

– Давайте это!

– То ж хлопское снество, тебе такое вкушать невмочь, – вздыхал Лошаков, глядя, как кухонный слуга накладывает в огромную деревянную миску кашу из горшка, заправив её, однако, изрядной порцией топлёного масла из берестяного туюска. Вкус был вполне узнаваем, тот, кто в армии едал перловку, его не забывает. Аппетит был испорчен странным хрустом на зубах, источником которого оказались остатки не крупного насекомого.

– Пустое брашно не едаем, хучь сверчок в горшок, а всё с наваром бываем, – пытался развеселить меня юный кухонный служка.

Судя по усмешкам окружающих, такие гостинцы были не редкость и в господской еде, поскольку к поварам никто претензий не предъявлял. Решившись идти до конца, я дождал остатков каши, заедая её огромным куском хлеба, который показался на удивление вкусным, совсем как в детстве. Мне нравился кислый вкус свежего ржаного хлеба, хоть и был он испечён из муки грубого помола с отрубями. В качестве напитка была предложена мутная густая жидкость со странным запахом.

– Овсяной кисель, царевич, – пояснил подавальщик, – а иных сытей дондеже не уготовили.

Знакомство с местной кухней было прервано звоном колокола.

– К заутренней созывают, на обедню. Поспешать нам надобно к собору Спаса Преображения, – поторопили меня оканчивать завтрак приставленные караульщики.

«Чудно, всегда казалось, что обедня в обед, – думалось мне. – Какой-то это неправильный мир».

Глава 4

На улице рассвело. Поднявшись по ступеням к храму, мы, пройдя паперть, вошли в залитый ранним солнцем притвор. Андрей Козлов остался там, а остальные поволокли меня внутрь.

– А он чего не идёт? – спросил я, указывая на отставшего.

– Нельзя ему, батюшка осерчал, епитимью наложил, – ответил мне присоединившийся к свите неизвестный дворовый. – Звал анчутку беспалого прямым именем.

– Кого звал?

– Нечистого, – посмотрел на меня как на умалишённого сопровождающий.

– Это, что ли, чёр... – договорить я не успел, рот прикрыл крепкой ладонью Ждан.

– Не поминай имя то всуе, – поучал воспитатель. – Учует аспид, еже кличут его, сице⁶ явится на вызов.

Проведя к алтарю, меня поставили рядом с женщиной, числящейся моей нынешней матерью, вокруг нас встала её родня и ближние люди. Дьякон и протопоп уже начали службу.

– Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святого Духа, и ныне и присно, и во веки веков! – выводил священнослужитель.

Прихожане вторили ему.

– Аминь, – далее вступал дьякон. – Миром Господу помолимся.

– Господи, помилуй, – отвечали все и крестились, я старался не отставать.

Однако моё религиозное рвение вызвало в толпе шёпот и пересуды, причина чего быстро стала ясна, ведь все, кроме меня, крестились двумя пальцами. Пospешно исправившись, я пытался следовать окружающим, но, когда дело дошло до молитв и тропарей, религиозное невежество проявило себя в полной мере. Даже шевелить губами в такт молящимся не получалось. Обряды продолжались более часа, и первые минуты казалось, что закончится молебен изгнанием еретика, то есть меня, из храма.

Но по прошествии времени стало ясно, что службы идут своим чередом, а жизнь своим. Прихожане переговаривались, сплетничали, на полу играли малые дети. По завершении молитв иерей стал совершать евхаристию. Механически скопировав действия причащённых, я получил свою долю Святых Тайн. После чего, пробормотав вместе с остальными благодарственные молитвы, был выведен из храма под напутствия священника:

– С миром изыдем!

– То Борискиным наущением не поминают имени твоего ни в охтениях, ни в многолетиях, будто ты не великого князя семя! – сказала высокая, статная женщина, что считалась в этом мире моей матерью, по выходе из собора и горько вздохнула. – Ладно, сын, ступай, гуляй с робятками-жильцами. А вы, дворовые, глядите за царевичем, дабы не тешился опаскою, головой за него в ответе!

Мне, старику, волей провидения занесённому в тело ребёнка, играть с детишками не хотелось совершенно, особенно во дворе, где недавно пролитая кровь была лишь присыпана землёй и песком. Поэтому, скрывшись из виду вдовы великого князя, я потребовал от кормилицы отвести меня к её мужу. Семья Тучковых была единственными людьми, которым хотелось полностью доверять. Воспитателя встретили у Красного крыльца. Закончив давать задания младшим слугам, он подошёл и внимательно осмотрел меня.

– Полехшало тебе? – не дожидаясь ответа, Ждан нахмурился. – Се худо травница цельбу творила. Лихоманка не трясёт? Разумею, жегомый⁷ ты, господине.

---

⁶ Так сразу (*старорусск.*).

⁷ Горящий (*старорусск.*). Здесь в смысле – высокая температура.

Голова у меня чуть побаливала, рана на лице практически не беспокоила, изредка лишь дёргаясь пульсирующей болью, и причина тревоги воспитателя была не вполне ясна. Но Ждан уже кликнул дворовых и, отдав малопонятные распоряжения, кудато целенаправленно меня потащил. По пути удалось убедить его отвести меня в ближайшую светлую горницу. Там после неудачных попыток объяснить, что мне нужно зеркало, я добился лишь деревянной кадки с водой. Даже в таком несовершенном приборе для самонаблюдений было видно, что кожа вокруг пореза на щеке изменила цвет и припухла. Видимо, местный знахарь обработал мне рану действительно некачественно, просто промыв её и залепив живицей, и результат его трудов – вполне вероятный сепсис. Умирать в этот воскресный день хотелось не более, чем во вчерашний, и я начал требовать у дядьки хоть каких хирургических инструментов, медикаментов и перевязочных средств.

– Вельми ты речи не достижны⁸ моему разуму молвишь, – озадачился Тучков-старший. – Глаголы изрекаешь то русские, то немецкие, то еллинские, аки во языке вавилонского столпотворения.

Стараясь употреблять слова попроще, пояснил, чего требуется. Как раз во время разговора в духе «моятвояпонимать» заявила Марья Нагая со старшим родственником и челядью. За ними вооружённые дворяне втащили и знахарку, которой сразу стали обещать разные казни за порчу царевича. Изрядным криком и симуляцией истерики удалось добиться того, чтобы нас с травницей, воспитателем и уже известными мне двумя охранниками оставили одних, остальные толпой повалили молиться об исцелении страждущего. К этому времени я уже узнал, что самое чистое место в округе – это баня, а местная народная целительница приготавливалась демонстрировать свои запасы.

Из всех мало идентифицируемых листочков, корешков и порошков наибольший интерес вызвало сухое ярко зелёное растение с четырёхлепестковыми жёлтыми цветами. Произрастало оно, согласно сведениям травосборщицы, буквально за бревенчатой стеной кремля. Послав её за этим сорняком, я отрядил Андрейку Козлова за острым ножом, а Лошаков двинулся следить за уборкой бани и растопкой там очага. Ждана Тучкова я начал расспрашивать на предмет добычи водки для дезинфекции. Слова такого он не знал, но сообщил, что в наличии дворового сытного двора бражного питья полно. Вызванный подключник доставил на пробу черпак с хлебным вином, однако испытания огнём на крепость этот напиток не прошёл. Сообразив, что нужен горючий напиток, помощник заведующего алкогольным складом, метнувшись, доставил малый бочонок с фряжской аквавитой⁹. Примерно через час все участники предстоящей хирургической процедуры были в сборе в княжеской бане.

Лекарке было поручено истолочь траву и смешать с водой, что вызвало очередной приступ сомнений.

– Преизлихо опасно зелье из бородавниктравы! – сказала женщина.

Но дальнейшие действия смутили невольных фельдшеров ещё сильнее. Кипячение ножа в горшке, его же охлаждение в крепком спиртном и обработка щеки этим эрзацспиртом казались им бесовским ритуалом. Лишь читаемые для укрепления духа молитвы удерживали моих помощников от бегства. Резать щёку, перекрестясь, взялся верный дядька Ждан. Да и двое телохранителей не подкачали, удержав мои тело и голову от рывков и дёрганий. Однако обработка раны спиртом и мазью из сока ядовитой травы всё-таки в очередной раз вырвала сознание из чужого тела.

Очнувшись ночью, что было уже привычно, я, в свете мерцающей лампы, увидел рядом со своим ложем спящего на полу Баженко. Судя по ноющей щеке и присохшей к ней тряпичке, сменить повязку и нанести новую порцию мази никто не удосужился. Невежливо растол-

---

⁸ Непонятные (*старорусск.*).

⁹ Аквавита – спирт.

кав мальчонку, услышал кучу малоприятных новостей. Мои медицинские помощники сидели в порубе и ждали решения своей участи. Губной староста Иван Муранов послал в Москву подробную весть о произошедшем в городе. Моя родня опять вечером совещалась и наказала своим холопам перебить следующей ночью посадских людей, что стояли за Битяговских, дабы в предстоящем следствии уменьшить количество свидетелей обвинения. Также паренёк сообщил, что, мол, ты, государь, в болезни изрекал словеса странны, вещал, и звал батюшку своего и брата единокровного. Опять ко мне приводили архимандрита монастыря Воскресения Феодорита, дабы он причастил Святых Тайн и отпустил грехи перед кончиной. Тот в палатах ждал полуночи, чтобы совершить ритуалы, не нарушая церковного благолепия. Разговор наш под утро был прерван пришедшими военными слугами царицы, что зашли узнать, не выздоровел ли я, и звать меня в церковь. От посещения храма удалось отговориться болезнью.

После молебна к моей кровати, устроенной на огромном ларе, опять явилась куча родственников с прислугой. Воспользовавшись их приходом, смог умолить суровую правительницу приказать выпустить невинно заточённых невольных лекарей. Совершив одно благое дело, решил сделать и другое и уговорил младшего Тучкова сбегать на посад, предупредить жертв планируемого убийства. Тут же явились свежесвобождённые узники, шумно выражая свою благодарность. Процедуры перевязки и смены мази были исполнены, но, похоже, воспаление не прекратилось. К вечеру начался жар, и сознание ушло в болезненный сон, лишь изредка вырываясь из него к яви.

Глава 5

Два следующих дня прошли в упорной борьбе юного организма за жизнь. На третий день, в четверг, кризис миновал. Похлебав куриного супчика, принесённого доброй тёткой Ариной, я стал прислушиваться к гудящему, как улей, терему.

– Се князь боярин Шуйский Василий Иванович с думными людьми – окольничим Клешиным Андреем Петровичем и думным дьяком Елизарием Вылузгиным, сыном Даниловым, пришли с Москвы расспросные речи творить о злоумышлении, – разъяснила кормилица.

– Учали ¹⁰ ставить пред собой людишек и расспрашивают, какимде обычаем язвили ножом царевича, а приказные поместные те речи в дело пишут.

Значит, следователи уже прибыли и ведут допросы. Попытался узнать, в какую сторону идёт дознание.

– Люди разное сказывают, кто баит, будто Осип Волохов чёрное злодейство учинил, а кто – будто сие навет Нагих жестокосердных, – пояснила бойкая тётушка. – Об убийстве слуг великого государя городской прикащик Русин Раков указывает на Михайлу Нагого, елико зачинщика, дядя ж твой, Михаил сын Фёдоров, сказывает, что Битяговских со сродственниками и холопами побиладе чернь посадская самовольно.

Также она сообщила, что пока симбионт с царевичем сопротивлялся инфекции, моя местная семья руками слуг занималась фальсификацией улик и устранением свидетелей. Они подбросили на брошенные во рву тела убитых окровавленное оружие да прибили не пожелавшего спрятаться сытника Кирилла и какую-то жёнку юродивую. Иметь что-то общее с этой кровожадной шайкой хотелось всё меньше и меньше, но и признаваться было неумно. Тут ещё выяснилось, пока я в бреду бормотал невесть что, ко мне приводили священника из Спаского собора Степана, с тем чтобы он изгнал из юного царевича злых бесов. Судя по тому, что моя душа вполне неплохо себя чувствовала в его теле, бесовской она не являлась. Экзорцист не нашёл присутствия нечистого, поскольку от молитв корчи пациента не одолевали, ведь известно, что лукавый святых словес не терпит.

На этой мажорной ноте к нам явился Семейка, стряпчий государыни Марьи, и известил о том, что к нам сейчас прибудет князь Шуйский вместе с только что приехавшим митрополитом Сарским Галасеей. Да уж, как писал классик – пренеприятнейшее известие. Отвечать на вопросы дознавателей не было никакого желания, а тут ещё весёлая Арина подшучивала над дворянами:

– Питки не будеть, а кнута не минуть.

Весьма споро дворовые обрядили меня в одежды из красного бархата и препроводили на третий этаж дворца в княжью светлицу. Там уже шёл семейный совет, как держать речи при московском боярине. Общее настроение было вполне оптимистическое. Нагие считали, что князь Василий настроен к ним дружелюбно, а окольничий Клешнин так вообще был их родственником. Во дворе раздался шум и топот, вскоре в светлицу вошла представительная процессия. Гостей с сопровождающими было больше десятка, и в просторном помещении сразу стало тесно.

Боярин был как с лубка, невысокого роста, с чванливо задранной бородой, одетый в длиннополый богатый кафтан и горлатную шапку. Начав с поклона мне, он быстро обменялся церемониальными приветствиями с окружавшей меня роднёй, далее последовало целование собравшимися руки архиерею церкви. Не отвлекаясь на предложенное угощение, глава следственной комиссии приступил к опросам, сразу начав брать быка за рога. Видно, обстоятельства дела донёс кто-то весьма подробно. Побеседовав со старшими мужчинами рода, Василий

---

¹⁰ Начали (старорусск.).

Иванович подсел ко мне. Кратким слогом, пытаюсь не ляпнуть чего лишнего, я изложил отретированную за час версию:

– Зарезать пытался Осип Волохов, за что, не знаю, на Битяговском и его людях вины не вижу.

О том, что это оговор мёртвого, мне было известно, но свалить начало заварухи на погибшего, а не на себя, казалось позицией беспроницательной – он мёртвый, ему всё равно.

Выслушав мою версию произошедшего, боярин переспросил:

– Истину ли ты довёл, княжич Димитрий Иоаннович?

– Истинно так.

– Сотворишь ли святое крестоцелование на сём? – задал внезапно вопрос очнувшийся от задумчивости митрополит.

– Да.

Лица у присутствующих изрядно вытянулись. Началась лёгкая суета, митрополичьи прислужники принесли изукрашенный крест. Дьячок подал мне для подписи расспросный лист, на котором я, корябая бумагу пером птицы, изобразил, как мог, буквы своего нового имени. Лист положили на блюдо, сверху водрузили крест, далее возникла заминка. Посмотрев на присутствующих, творящих молитву и крестящихся, свежее испечённый клятвopеступник повторил их действия и, осенив себя крестным знаменем, поцеловал крест. По завершении обряда гости торопливо откланялись и поспешно удалились, удивляя меня своим смущённым видом.

Глаза на происходящее открыл учитель местной жизни Ждан:

– Бесстыдно крестоцеловальную роту ¹¹ с малого летами отрока взять, грешно сделал авва Гевласий!

Этими речами он навёл наказываемого грешника на мысль, что в ином мире тот за пару дней натворил грехов поболее, чем за всю жизнь в родном. Находиться на людях было неприятно, и, отговорившись хворью, я смог улизнуть в уже привычную опочивальню. Несколько часов было проведено в глубоких раздумьях. Прервал их доставкой ужина стряпчий кормового двора Суббота Протопопов, поведавший очередную новость:

– Ныне приказные взяли боярыню Волохову к пытке, и поелику запиралась та, пытали ея накрепко, и со второй пытки учала ¹² она виниться и плакать, а каковы вины на себя сказывает, то неведомо.

Погружённый в протрацию этими сведениями, я на автомате поел, дал себя одеть и отвести на вечернюю службу в Спас. Там, механически копируя исполняемые обряды, предался систематическим размышлениям. Итак, за сегодняшний день на основе отрывочных сведений место перерождения души было установлено, также примерно стало ясно и время, согласно известной мне истории. Одно лишь имя – Борис Годунов ¹³, и полное фэнтези превратилось в детектив на историческую тему. Ключки сведений о том, что здешний отец мой звался государь Иоанн Васильевич, царствует бездетный брат Фёдор Иоаннович, а правят дьяк Андрей Щелкалов да конюший боярин Борис Годунов, сложились в картину, нарисованную крупными мазками куцых школьных сведений. Да ещё всплыла в памяти незабвенная опера Мусоргского, которую слушал в Большом театре, жаль, не особо внимательно. Что нынешний царь умрёт бездетным, а потенциального кандидата на трон, то есть меня, устранит узурпатор Бориска, стало практически очевидным. Как избежать вновь ставшей близкой смерти, на ум не приходило. Вечерня закончилась, и слуги со всем почтением отконвоировали меня в ставшую родной комнату, где, притворив ставни и закрыв дверь, опять оставили в темноте.

---

¹¹ Клятву (*старорусск.*).

¹² Начала (*старорусск.*).

¹³ Борис Фёдорович Годунов (1552—13 апреля 1605 г.) – дворянин, боярин, шурин царя Фёдора I Иоанновича, в 1587–1598 гг. фактический правитель государства.

Глава 6

Следующие пару суток я ожидал нового допроса да вживался в местную жизнь. Все вокруг твёрдо уверились, что царевич со страху повредился разумом. Разубеждать никого не хотелось, такой статус давал возможность задавать любые вопросы самым косноязычным образом. Челядь смотрела на меня с сожалением, родня и даже мать с изрядной долей презрения, и лишь Тучковы, пара служилых дворян и несколько сверстников-мальчишек делали вид, что ничего необычного не замечают. От попыток признания верным людям удерживали краткие познания в местном праве. Как пояснил мне один шустрый паренёк, дьячок губной избы Власко Фадеев, колдунов и ведм здесь пытали, чтоб узнать, кому и каким способом они вредили, и если допытывались, что вред людям был, то казнили.

На вопрос, какая следует казнь, этот местный прообраз прокурорских незатейливо ответил:

– Вестимо, яко судия порешит, обычаем же огнём жгут злую волшбу творящих.

Да уж, в оставленной мной реальности вроде в истории родины такого варварства не было. В этой невольной этнографической экспедиции я, помимо ежедневных походов в собор и одну из пристроенных к нему церквей, в субботу побывал в мыльне дворца да объехал на смирной лошадке всю территорию кремля. Можно сказать, добрался до края мира, до самых проезжих Никольских ворот. В это путешествие протяжённостью в несколько сот метров собирали меня несколько часов половиной двора. Пройтись пешком было совершенно невозможно, слишком уж большой урон чести рода можно было нанести. В поездке у выезда из крепостицы была встречена московская следственная группа, которая почти в полном составе отбывала в столицу, прихватив с собой особо важных свидетелей: Василису Волохову, конюха Григорьева и приказчика Ракова. Несчастную боярыню погрузили в возок едва живой. Видеть женщину, виновником мучений которой, да и гибели сына тоже, стал мой страх перед собственными страданиями, было не вмоготу.

Немедленно возвратившись к палатам, встретил у Красного крыльца вдовую царицу с братьями. Просьба помочь материально семьям погибших, которых лишь день как схоронили, вызвала недоумение.

– Блажишь, племянник, – высказался старший из дядёв.

На попытку усовестить, дескать, грех великий, он досадливо отмахнулся:

– Азм грех сей отмолю, да вклад в Святые Троицы дам многобогатый на помин души убиенных.

Попытка воззвать к совести оказалась явно неудачной. Чертыхнувшись про себя, отправился общаться с мальчишками-жильцами, составлявшими весь круг общения царевича среди детей. Разговаривать с ними было проще, чем со взрослыми, их речь была гораздо понятней для жителя XXI века. Они не употребляли непонятных церковных слов, не применяли веле-речивых склонений, да и проще шли на контакт. Попрактиковавшись часок в лингвистике, я был уведён няньками на дневной сон. Отсутствие самостоятельности дико раздражало, но противиться было опасно, а то запрут ещё как буйнопомешанного.

Первая неделя в параллельном мире завершилась уже обыденным ритуалом: совместный с родней ужин, служба в церкви, разоблачение от одежд и отход ко сну. Засыпать в такую рань мозг, однако, не привык и начал привычно загружать себя мыслями и планами. Но притихшие вроде палаты в очередной раз, ближе к ночи, наполнились шумом и топотом. Я вскочил со спального места и, путаясь в длинной ночной рубаше, пошлёпал босыми ногами в соседнюю комнату, чтобы разузнать причину переполоха. Усиленная охрана от меня была снята, и вход в спальню караулил незнакомый мужичок.

– Кто таков?

– Истопник яз есть, Михалка сын Данилов, холоп матушки государыни.

– Чего случилось?

– Прискакал к царице сеунч ¹⁴, сказывал сей муж новину ¹⁵, дескать, будет к завтрему, на неделе ¹⁶, царь и великий князь всея Руси с малым двором на Угличе.

– Когда на неделе? – озадачился я.

– Не ведаю того, яким часом дня воскресения Господня соизволит прибыть пресветлый государь.

Значит, явление правительственной делегации назначено на завтра.

---

¹⁴ Гонец (*старорусск.*).

¹⁵ Новость (*старорусск.*).

¹⁶ Воскресенье (*старорусск.*).

Глава 7

Утром стало известно, что русский царь со свитой прибыл к городу ночью и остановился в Покровском монастыре. Сборы к визиту на высшем уровне начались с самого раннего утра. Даже литургия в храме и то была проведена достаточно быстро. Вся верхушка семейства разоделась в самые лучшие одежды. Меня обрядили в красный кафтан и такого же цвета сапожки, на голову надели шапку, отороченную мехом. Одежда была шита серебром, застёгивалась на большое количество пуговиц из резной кости, но богатство отделки было её единственным достоинством. Костюм был явно мал, шерстяная ткань неприятно кололась сквозь тонкую холщовую рубаху, внутренние швы натирали кожу. К тому же в таком наряде в этот весьма тёплый день было неимоверно жарко. Не вызвала никаких нареканий обувь, но для её носки оказалось необходимым армейское искусство наматывания портянок.

Наконец к дворцу прибыл конный отряд сопровождения, конюхи начали выводить осёдланных лошадей, и тут случилась очередная заминка. Во дворе возникла перебранка, из которой стало понятно, что к государю приглашают лишь одного меня, царёва брата Дмитрия Иоанновича. Недовольство Нагих было быстро подавлено начальником караула, который, произнеся пару фраз, заставил их притихнуть. Вскарабкавшись с помощью слуг на коня, я выразил готовность двигаться. Командир телохранителей оглядел меня в седле, послушал, что пытался ему втолковать дворянин из свиты Марьи Фёдоровны, и, хмыкнув, отрядил двух всадников взять под уздцы мою лошадку. Кавалькада тронулась с маленькой придворцовой площади и после недолгого движения внутри острога выехала в городские посады.

Оказавшись впервые за рублеными стенами крепости, я с любопытством оглядывался вокруг, словно турист на экскурсии. Сразу за воротами находился длинный мост через ров, за которым раскинулась торговая площадь с двумя каменными храмами. Далее притулились дома, прятавшиеся за высокими оградами из почерневших брёвен и кольев, выглядели они явно беднее, чем те, что видел раньше внутри кремля. Были они сплошь одноэтажные, с небольшими оконцами под самой крышей, крытые лубяным тёсом, с множеством прилепившихся по краям хозяйственных построек. На удивление не было видно печных труб, хотя на некоторых избах на крышах имелись некие деревянные конструкции. Дорога была ничем не мощёной, грунтовой, но в нескольких местах наблюдались подобию тротуара из расколотых пополам брёвен. Учитывая совсем небольшое количество зелени и пыль, поднятую всадниками, общее впечатление от Углича было крайне унылым. Город довольно быстро закончился земляным валом с тыном, и отряд по наезженной дороге двинулся вдоль берега Волги.

Я попытался завязать разговор с конвойными, но они странно поглядывали на меня и явно дичились. Спустя несколько минут к нам подскакал старший отряда и, слегка склонив голову, представился:

– Азм царёв ловчий Дмитрий Ондреев сын Замыцкой. Указал царь честию везти тебя к себе, в силах ли ты честную речь вести, дабы государю тщеты и докуки не было? – К моим заверениям, что в силах, он отнесся с явным недоверием. Задав ещё пару вопросов и не услышав на них вразумительного ответа, придворный отъехал со словами: – Вестимо, хвор телом и скорбен разумом ты, княжич, но мыслю, есть ты прямой дурак!

Больше никто со мной общаться не пытался, и через несколько километров мы прибыли к перевозу через Волгу, где все принялись спешиваться. Моя попытка соскочить с коня, не дожидаясь помощи, привела к тому, что я грохнулся на землю, зацепившись мыском сапога за стремя. Посмеиваясь, сопровождающие освободили меня из глупого капкана и отвели на плотик для переправы. Плавсредство было явно сделанным на живую нитку, брёвна того и гляди грозились расползтись, да к тому же оно постоянно кренилось в разные стороны.

Моментально вспомнив, что в прошлой жизни не умел плавать, я занервничал. Да и разыгравшаяся фантазия стала подбрасывать сюжеты устранения конкурента за власть одним толчком руки. Так что, оказавшись на левом берегу реки, крестился я, вместе с сопровождающими, совершенно искренне. Прodelав на потеху конвою клоунский номер с посадкой в седло, постарался принять гордый вид, и мы двинулись в сторону видневшегося на холме монастыря. Заезд в обитель шёл через мощные ворота с надстроенным надвратным белокаменным храмом. Величию ворот явно не соответствовала хиловатая бревенчатая ограда, окружавшая монастырь.

Въехав на соборную площадь, я невольно залюбовался огромным красавцем-собором, устремившим ввысь свою блестящую главу. После того как служки приняли и начали уводить лошадей, меня повели к палатам, пристроенным к другой каменной церкви. Пока ноги несли к месту встречи с царственным родственником, мозг напрягался и вспоминал сведения из прошлой жизни. Помимо всего прочего, я за время своего первого существования бывал в туристических поездках по Волге и, несмотря на злоупотребления алкоголем в путешествии, забыть такой набор величественных зданий не мог.

В душе крепло сильное желание сообщить царю какие-либо сведения о грядущем и тем обезопасить себя, как ценного советника, от покушений хотя бы на время. Однако из школьного курса по этому периоду истории на ум приходили лишь отрывочные данные о первом общегосударственном антифеодальном крестьянском восстании. Да и то помнилось только из-за того, что, когда школьный друг отвечал по этой теме у доски, я ему так весело подсказывал с учебника, что допомагался до похода к директору с родителями. В памяти сохранились лишь причины обострения классовой борьбы на тот период – сильный многолетний голод да усилившаяся в связи с этим эксплуатация крестьян, выраженная в форме их закрепощения. Ну ещё помнил о последующей оккупации и несколько имён – Минин, Пожарский да Иван Сусанин, но последний скорее герой из анекдотов, чем из учебников. Основная проблема состояла в том, что, когда это всё произойдёт, наш претендент на роль провидца не смог бы рассказать даже под пыткой. Собственно, из временных ориентиров было лишь то, что голод будет при правлении Годунова, а крестьянская война после смерти. Но тиран Борис будет царствовать лишь после гибели всех законных наследников, то есть и меня, царевича Дмитрия. Вот это ребус, а учитывая, что даже нынешний, текущий год неизвестен, он фактически неразрешим.

Из этих раздумий вывел голос игумена Давида, вопрошавший, ладно ли мы доехали. Покивав головой и пробормотав, что весьма ладно, я потопал за ним в помещение, сопровождаемый ловчим с парой подчинённых. В первой же большой комнате нас встретил высокий, широкоплечий, крепкий мужчина с окладистой чёрной бородой.

– Здрав буде, конюший и боярин Борис Фёдорович, – степенно склонили голову сопровождавшие меня служивые.

– И вам здравствовать, – ответил тот и пристально посмотрел на меня. – А ты, княже, чего ради не приветишь добрым словом? – Пока я размышлял, как ловчее ответить, он продолжал: – Онемел аль невежда ты?

Пришлось выдать незаконченную фразу:

– Многия лета здоровым бысть, Борис Фёдорович.

Потенциальный заказчик моего убийства слегка помрачнел:

– Сице же хоть и мал летами, а досаждение творишь. Но отдаю я тебе вины твои за малолетство, что чин мой в отечестве не поминаешь. К государю однако ж вежество ¹⁷ яви, а то в прежние времена сиживал удельный князь углищкой сорок годков в железах за кичение своё.

Закончить так жизненный путь не было желания, и я, пользуясь своим детским видом, начал жалобно оправдываться:

---

¹⁷ Уважение (старорусск.).

– Прости, боярин, вельми хвор был, память отнялась.

– Грех гневаться на умом кротких, и ты меня прости, княжич, – царедворец развернулся и пошёл к дальней двери.

Туда же тронулась и свита, подхватив мою реинкарнацию под руки. Так меня провели через несколько караулов, стоявших у каждой двери, на второй этаж. Перед очередными амбалами с топориками, подпирающими дверной косяк, толпа царедворцев резко поредела, и в большие светлые палаты попали только я да Годунов. В правом углу этой комнаты крестился перед иконой, стоящей на переносном подставце, невысокий полный человек в тёмном одеянии, а по стенкам на лавках сидели несколько придворных, одетых по высшему разряду местной моды.

Кто здесь царь, стало ясно, когда молящийся оглянулся и двинулся к нам, осеняя себя крестом.

– Уж не чаял тебя живым узреть, брате, токмо Господа Бога молил о здравии твоём, – прочувственно проговорил самодержец и протянул ко мне руки.

Вспомнив о наказании за неподобающее поведение, решил перестраховаться.

– Помилуй мя, царь всея Руси, не вели казнить сироту твою, – с этим воплем я рухнул на пол и обхватил руками колени опешившего от такой выходки сводного брата.

Тот бросился поднимать меня, восклицая:

– Николи же ¹⁸ впредь не случится обиды тебе.

Для закрепления образа несчастного младшего родственника решил поплакать, но отроческое тело оказалось весьма к таким потугам восприимчиво, слёзы хлынули ручьём. На удивление, царствующий родственник тут же присоединился к моим рыданиям. «То ли он слишком впечатлителен, то ли слишком хитёр», – промелькнула мысль. Наплакавшись, государь начал воздавать хвалу Господу, благодаря его за спасение невинного младенца. Глядя на его простодушие, казалось, что умственным возрастом он сильно младше своих истинных лет. После прослушивания речей монарха подозрение переросло в уверенность. Задержка в умственном развитии явно присутствовала, хотя в слабоумие не превратилась. Реагировал на новости царь слишком эмоционально и с полным отсутствием критичности, но вполне целесообразно. Надежда заручиться его поддержкой угасла, поскольку спустя непродолжительное время он был способен вполне переменить свои взгляды под влиянием окружения.

– Холопей твоих царских, да со всеми домочадцами, чьим попусцием погибель на царевича едва не приключилась, за приставами держать надобно и отослать на украины ¹⁹ сибирские, – вещал один из советников царя.

Тут мне стало совестно: мало того, что, оклеветав Волохова, я приговорил кучу людей к смерти, так сейчас ещё и их семьи сошлют. Начал упрашивать царя никого не карать, на что вскоре получил согласие. Пользуясь моментом, попросил и учителей, поскольку ходить в слабоумных из-за незнания прописных истин не хотелось.

– Будут к тебе казатели ²⁰, ради наставления книжного, – согласился и с этим государь.

Чувствуя, что железо надо ковать, пока оно горячо, попросил и прибавить жалования, дабы более ссор из-за денег не было.

– Почто брат мой кровный скудостию томится? – вопрошал притихших бояр Фёдор Иоаннович. – Жалую всяческими прибутками с землицы, кои отец наш, великий государь Иоанн Васильевич, на тебя приказал. Деньгами сошными и оброчными, сборами мытными, замытными и кружальными, деньгами проезжими и мостовыми, кормовыми да судейскими. – Этому ему, видимо, показалось мало, ведь только завещанное отцом вернул, и он добавил от себя: –

---

¹⁸ Никогда (*старорусск.*).

¹⁹ Украину (*старорусск.*).

²⁰ Учителя (*старорусск.*).

Такоже жалую в животы ²¹ брату молодшему имения царевича Иоанна Иоанновича, каковые по кончине старицы Леониды в казну отписаны, денег триста рублёв серебром да мяхкой рухлядью ²².

При этих словах Борис Годунов переменялся в лице и, подойдя к щедрому дарителю, стал ему что-то шёпотом доказывать. Да и думные бояре поняли, что аудиенцию пора заканчивать, пока нахрапистый малец полцарства не выклянчил. Ловко ухватив меня за локти, двое придворных помоложе лихо сделали поклон и со всей вежливостью выпроводили меня прочь. На крыльце нас догнал молодой прислужник и с поклоном вручил ещё дары, приговаривая:

– Конюший и боярин Борис Фёдорович кланяться велели тигиляем парчовым с зенчужными пугвицами ²³ да златым поясом узорчатым.

Видно, умный царедворец решил богатым подарком закрасить скомканный финал приёма. Этот дар тут же был на меня напялен поверх кафтана набежавшими сенными служками, и возражения их не остановили ни на миг. Так что в обратный путь в Углич я тронулся с теми же сопровождающими, но уже обряженный в стёганный толстый шёлковый халат преизрядной тяжести. Дорога назад проходила в молчании, никто насмехаться над признанным царским родственником не пытался. Всё бы хорошо, но послеполуденное солнце шпарило во всю мощь, ветра не было, и тело потело как в разогретой банной парилке. До города оставалось всего-то с полкилометра, когда к горлу подступил комок, а земля под копытами коня начала ходить волнами, как вода в море.

---

²¹ Во владение (*старорусск.*).

²² Меха́ми (*старорусск.*) – шкурками ценных животных – соболей, горностаев и пр.

²³ Жемчужными пуговицами (*старорусск.*).

Глава 8

В себя я пришёл уже во дворе терема. Обмороки у меня уже стали традицией. Изрядно мутило, голова раскалывалась от боли. Наверно, жара и одежда не по сезону сыграли со мной злую шутку, случился банальный тепловой удар. Так что первым делом потребовал холодной воды, которую и повелел заливать прямо за шиворот. Дворня аж рты пораскрывала, глядячи на очередное безумство малолетнего царевича. Вышедшие во двор дядья повелели прекратить сие непотребство и, собрав своих людей, повели их в город. При мне остались лишь Ждан с женой и несколько комнатных служанок. Цыкнув на квохчущих тёток, воспитатель пересказал события последнего часа.

– Токмо царица Марья да родня ея, отобедав, спать полегли, тут-то тебя омертвело московские жильцы примчали. Государыня бежать кинулась во двор в единой сорочице, вmale²⁴ постельничницы остановили от срама прилюдного, – поведал он.

Прибежал Баженко с новостями.

– Нагие на торгу посадских мутят, кричатде, Борискины людишки царевича всякою бранью неподобною лаяли, непригожими словами имя его бесчестили, а сам конюший, мол, по злобе своей безмерной младшего сына великого государя Иоанна Васильевича зелием опоил. – И, отдышавшись, прибавил: – Ещё созывают чёрный люд всем миром идти к царю, челом бить на злодейство евонного шурина да просить выдать его головой.

Старший Тучков закричал:

– Не гневись, царевич, дядья твои вельми злонравное семя, крамолу творят в святыи день Воскресения Христова, словно креста на них нет.

Но вот мятеж-то им не удался, народ в воскресенье горлопанить был явно не настроен, а может, недавнего кровавого бунта горожанам хватило. В понедельник же пришла весть, что царь Фёдор²⁵ отъехал на Москву через Николо-Улейминский монастырь. После этого жизнь в Угличе потихоньку вошла в обычное русло, народ притих и ждал, чем кончится сыск об убийстве служилых московских людей. Семья матери, узнав о царёвых жалованиях, довольно потирала руки. Они уже послали доверенного человека в Москву, чтоб он разузнал в Поместной избе²⁶, когда будет жалованная грамота и на что именно. В Угличском уезде они попытались вернуть прошлые порядки практически сразу, семья убитого дьяка потеряла кормившее их поместье, все сочувствующие им затаились, дабы не попасть под горячую руку управителя удела Михаила Нагого. Я же находился фактически под домашним арестом.

Сперва казалось, что это наказание, но позже выяснилось, что это обычная жизнь знатного наследника. Распорядок дня был таков: побудка с рассветом, одевание, заутреня, а потом и литургия, обед, после немного свободного времени и дневной сон. Причём спать ложились все, кто относился к обеспеченным людям, такая вот русская сиеста. За послеобеденным отдыхом следовали краткие попытки научить меня грамоте. Выяснилось, что читать местные тексты я не могу совершенно, рукописные буквы не походили одна на другую, некоторые были совершенно незнакомы, слова писались каждый раз по-новому. В предложениях были произвольно расставлены пробелы и знаки препинания. К тому же непонятные надстрочные знаки, ну и сорок одна буква алфавита, причём каждая в трёх формах написания, казались мне явным перебором. В общем, в книги, написанные уставом, младшим или старшим полууставом, я смотрел словно баран на новые ворота.

---

²⁴ Едва (*старорусск.*).

²⁵ Царь Фёдор – Фёдор I Иоаннович (Блаженный), царь всея Руси и великий князь Московский с 18 марта 1584 года, третий сын Ивана IV Грозного и царицы Анастасии Романовны, последний представитель московской ветви династии Рюриковичей.

²⁶ Приказ (министерство), осуществляющий фиксацию имущественных прав.

Подивившись, что царевич начисто забыл азбуку, духовник Марьи Фёдоровны, отвечавший за образование её сына, начал подготовку с азов. Причём в буквальном смысле этого слова. Вся наука заключалась в затверживании наизусть алфавита – аз, буки, веи и далее прочие ижицы – и молитв. После уроков был ужин, затем вечернее богослужение, за ним раздевание в спальне, молитва на ночь и сон. Плюс ко всему было невозможно остаться наедине, днём следили мамки да дворовые сторожа, ночью истопники да сенные служки. Если удавалось уговорить выйти со двора, поездки ограничивались территорией кремля под присмотром служилых дворян. Такой режим мог довести до полного нервного истощения человека двадцать первого века, привыкшего к постоянной деятельности и развлечениям. Особенно утомляло ежедневное присутствие в церкви, на это уходило до пяти часов в сутки, если, конечно, не было праздника. В праздничные дни служения начинались с рассветом и заканчивались затемно.

Средневековая кухня тоже изрядно достала. Каши из четырёх сортов круп, похлёбки с ними же, разные заливные и студни и на второе мясо или рыба, приготовленные несколькими способами. Способ употребления горячего – руками и ножами, без каких-либо других приборов и тарелок – выглядел диковатым. На этом фоне хлебание супа из одной огромной миски впятером уже выглядело верхом этикета. Единственным кулинарным открытием стали пироги, огромные, с разными слоистыми начинками, странно, что таких не делали в современном мире. Все холодные напитки именовались словом «пиво», понять, какой напиток алкогольный, а какой нет, по названию было непросто. Чая и кофе не было и в помине, единственным питьём, подававшимся в горячем виде, был сбитень да взвар. Хотя с наступлением Петрова поста стало ясно, что прежнее меню было изобильным.

В третий постный день покой маленького городка был растоптан ворвавшимся конным отрядом. Прибывшие оказались новой сыскной комиссией, но вот дело было уже о расследовании измены Нагих и мятеже углицких жителей. Старшее должностное лицо – дьяк посольского приказа велел схватить братьев Михаила и Григория вместе с их дядей Андреем Нагим. А до протестовавшей царской вдовы довёл: случились, мол, на Москве пожары великие, и розыском сысканы зажигальники. Пытошными речами злодеи те прямо указали на Нагих, как на того воровства доводчиков²⁷.

Следователи сразу взяли быка за рога, и подклети губной и дьяческой избы заполнились задержанными горожанами, кое-кого из них взялись пытать. Дело принимало худой оборот, и я начал уговаривать Марию Нагую отпустить меня к Москве, попробовать упротить сводного брата о помиловании. Испуганная женщина пребывала в сомнениях, но утопающий хватается за соломинку, и разрешение на отъезд было получено. В попутчики были приданы дядька Ждан, семеро детей боярских царицыного двора и уездных, да трое холопов. Московские сыскные, видимо, не имели инструкций на этот счёт, поэтому задерживать младшего брата царя не решились, но несколько своих воинов в конвой отрядили для пущего стережения.

---

²⁷ Воровство – в то время данный термин не соответствовал современному значению. Аналог современного значения – слово «татьба» (тать – вор, разбойник, грабитель). Термином «воровство» в то время обозначали любое преступление. Доводчики воровства – организаторы преступления.

Глава 9

Из Углича колонна конных вышла на заре, шумных проводов не было. Старшим отряда, или, как говорили местные, – в головах назначили наиболее опытного в военном деле из боевых слуг – Самойлу Колобова. Двинулись по Переяславской дороге, у каждого помимо верховой была и заводная лошадь с навьюченными на неё припасами и снаряжением. Выдерживать постоянную скачку я не мог, и поэтому сопровождению приходилось каждые пару часов устраивать привал, что сильно снижало и так невеликий темп. Добраться до Переславля-Залесского до ночи не удалось, и нам пришлось устраиваться на ночлег в чистом поле.

Наша ватага устроилась на краю берёзовой рощи, москвичи расположились чуть поодаль, наособицу. Спутанных коней пустили пастись на лежавший между стоянкой и дорогой луг, назначив к ним сторожей от диких зверей и лихих людей. Пока на огне в медном котле побулькивало варево, я рассматривал своих попутчиков. Дворяне царицы – Колобов, Козлов, Лошаков – были мне уже хорошо известны, Астафьев Фёдор и Афремов Богдан служили старшими над конюхами, а вот уездных помещиков я видел впервые. Те, заметив любопытный взгляд, подошли представляться. Старший из них назвался сыном боярским Микитой Нагиным, другой, помоложе, имел тот же чин, а звался Гришкой Отрепьевым. Мне показалось, что это имя я в прошлой жизни слышал, но вот в каком контексте, не помнил. Заинтересовавшись, порасспрашивал его. Григорий сообщил, что он новик, то есть в службе ещё не был, служит за отца, поскольку тот стар стал. Поместил его родителя на землю ²⁸ царь Иоанн Васильевич, в пользовании у них малое сельцо да две деревушки, всего девять дворов, да своя пашня. Род их небольшой, вотчины ²⁹ и поместья родственников в нашем уезде и соседней Юхотской волости, также есть у него братнедоросль, Иван, в разряды они ещё не вёрстаны ³⁰. Собственно, ничем выдающимся он не выделялся, а вот фамилию я его точно знал, осталось только вспомнить откуда.

К этому времени для меня соорудили из войлока полог, а из чепрака и седла ложе. Похлебав со всеми из котелка похлёбки, отправился спать, проигнорировав призыв дядьки помолиться. Ждан растолкал меня ещё до рассвета, и пока я зевал и протирал глаза, слуги подвели осёдланную лошадь. Тело не прекратило ныть после вчерашней езды, а уже надо было начинать новую скачку. Да уж, в том, прошлом, детстве я любил покататься верхом, но, как выяснилось, часок конной прогулки отличается от дня в седле так же, как баня от варения заживо. Незадолго до полудня, на берегу Плещеева озера, нас догнала группа вооружённых всадников. После обмена приветствиями и здравицами выяснилось, что это военные служки ростовского митрополита, идут к Москве на царёву службу. Они сообщили, что на столицу идёт крымский царь с ордой несметной, и воеводы приказывали поместному ополчению замосковных городов идти на ратный сбор. Понизовые да северские города уже исполнились и ждут бесерменов на берегу реки Оки. От таких новостей мой конвой призадумался, и после короткого военного совета решили далее двигать вместе. Переславль прошли не останавливаясь, для сбережения времени.

На следующем коротком привале увидели тянущееся за нами облако пыли. Пока все поправляли конскую сбрую, я присмотрелся к догонявшей нас ватаге и обомлел. Наше малое

---

²⁸ Поместить на землю – вручить во временное пользование (на срок службы) участок земли с крестьянами, в целях материального обеспечения дворянина. Поместье оставалось во владении до тех пор, пока дворянин (или его сын) был в состоянии выходить по первому вызову в военные походы, имея в своём распоряжении вооружённых слуг и всё необходимое снаряжение. Чем больше было поместье, тем больше людей должен был приводить с собой дворянин. Если «помещик» переставал нести службу (уклонялся от несения воинской службы), государство передавало поместье другому дворянину.

²⁹ Вотчина – поместье, передающееся по наследству на правах личной собственности дворянина.

³⁰ Поверстать в разряд – поставить дворянина на учёт в Разрядном приказе (призвать на действительную воинскую службу).

воинство настигала на рысях шайка татар человек в шестьдесят. Татаро-монголы были фактурные, прямо как в исторических фильмах, в стёганных халатах, в шапках-малахаях, под хвостатым бунчуком с полумесяцем. Забавную, наверно, картину представлял собой царевич Димитрий, когда застыл соляной статуей, указывающей на дорогу пальцем. Пожилой ратник, стоящий рядом, проследил взглядом за жестом моей руки и равнодушно буркнул:

– Ногаи.

Я, паникуя, вступил с ветераном в диалог:

– Татары!!!

– Вестимо...

– Обороняться надо!

– Ежели надоть – сборонимся...

– Бой будет!

– Вскую ³¹ бою быть?

– А вот ни с х..., в плен же попадём!

– Дык кому ты надобен, малахольный сицевый ³²...

Улыбающийся Иван Лошаков пояснил:

– Се ногаи романовские ³³, также на бранное поле спешат.

Тем временем кочевники обходили нашу выстроившуюся походным строем дружину. Перекрикиваясь, поделились свежими слухами. Один из сыновей степей, ткнув в мою сторону нагайкой, оповестил соплеменников:

– Улу патша джомла Уруснынг ак хан улым.

Потомки золотоордынцев настороженно ощупали меня взглядами и, прибавив ходу, начали резво обгонять.

– Чтут, нехристи, семя великоцарское, – хмыкнул препиравшийся со мной меланхолический старый воин.

– Что сказали-то? – поинтересовался я у него.

– Да пустое, дескать, вот сын усопшего белого царя всея Руси.

Уже в движении, поравнявшись с нашим головой, Самойлой, я донес до него свои опасения:

– Больно уж зло смотрят татарове, аки лиха бы не сотворили.

– Они опаскою глядят. Извествуют сплетники, мол, душа великого государя Иоанна Васильевича на тебе возродилась, а поганые в сеи сказки веруют, – успокоил Колобов и, вздохнув, продолжил: – На каждый роток не сверзишь платок, творят изветы на имя твоё, царевич, де, животин ты палицей железной бьёшь, огнём жжёшь, человечьи куклы сабелькой сечёшь, потешаясь.

Поуспокоившись, я снова прибил к бывалому бойцу, начал его расспрашивать. Тот поведал, что имя его Бакшеев, Афанасий сын Петров, служил он в рязанских выборных дворянах, как отец и дед его, тридцать лет ходил стеречь рубеж в станицах и сторожках, а сейчас постарел, оставил поместье сыну, а сам подался в Ростов, на более спокойное место. Человеком он оказался сведущим и смог значительно увеличить мои знания о военном деле и татарских обычаях. Потомственный пограничник разъяснил, что набежал на Русь хан Казы-Гирей, с юных лет удачливый в набегах, хитрый и осторожный, прозвищем Борей, что по-татарски значит буря. Посмеялся он над слухами, что татар пришло сто пятьдесят тысяч, мол, если поднять все улусы, перекопский да белгородский, собрать кочевников азовского да казыева улуса

---

³¹ По какой причине, почему? (*старорусск.*)

³² Такой (*старорусск.*).

³³ Ногаи из окрестностей города Романова, в данный исторический период – вассалы Московского царя. Романов – позднее Романов-Борисоглебск (после объединения с Борисоглебской слободой), ныне Тутаев, расположен в 35 километрах к северо-западу от Ярославля выше по течению реки Волги.

и посадить в седло всех от отрока до старика, и то столько не собрать. Так под рассказы о нравах южных соседей Российского государства добрались до места очередной ночёвки – Троице-Сергиева монастыря. Моя свита собралась ломиться в закрытые на ночь ворота, но поддавалась уговорам остаться в общем лагере.

Глава 10

Новый день начался, как и два прежних, ни свет ни заря. Я еле ходил от боли в нижней части туловища, стёртые бёдра горели огнём, но решил не понижать воинский дух своих охранников стонами и жалобами. На этот раз в связи с возможной близостью вражеских разъездов все выехали облачённые в воинский доспех, с оружием наготове. Надо признать, что вблизи наше воинство не выглядело особо опасным для врага. Редко у кого имелась кольчуга с пластинами, основным доспехом были боевые тягилiai, выглядевшие как халат с коротким рукавом, сделанный из стёганого одеяла, разнообразного вида конусные шлемы, из оружия сабли, шестопёры, топоры да саадаки, то есть лук в налучнике, да пара колчанов стрел, причудливого вида ружьём владел лишь один воин. Особо нетерпеливые новики пытались сразу натянуть тетиву на рога луков, но более опытные бойцы их остановили. Все эти приготовления были крайне занимательны, чувства опасности я не испытывал совершенно. Болтая с объяснявшим азы местной воинской науки старым рязанским порубежником, открыл для себя много интересных сведений, которые стоило обдумать.

Не доезжая нескольких вёрст до столицы, встретили разъездную сторожку из боевого охранения московского войска. От них узнали, что татары уже под Москвой и собираются переправляться на левый берег. Дворяне, перекрестясь, пересели на боевых коней, которых ранее вели в поводу, и изготовили оружие – лучники натянули тетиву, пищальщик разжёл фитиль. Однако тревоги оказались беспочвенными, к городу подъехали без приключений. Я вертел головой по сторонам, пытаясь соотнести виденное со своими знаниями о географии этого будущего мегаполиса. Заметив мой интерес, Самойла подъехал и стал обсуждать со мной местные достопримечательности, однако я поддержать разговор не мог.

– Мал ты был, когда отъехали к Угличу, запаматовал, – сообразил голова и начал, как мог, проводить экскурсию, указывая на видневшиеся впереди мощные кирпичные стены с башней. – Царёв град. Горододец Фёдор Конь, Савелия Иванова сын, учинил.

Укрепления впечатляли: высокие стены с наклоном, разбросанные по всей поверхности бойницы, перед стеной ров с водой. Проезжие Сретенские ворота имели изгиб в середине и затворялись четырьмя дверьми. Через километр дорогу перегородило новое белокаменное монументальное ограждение.

– Се Китай-город, – развеял недоумение мой командир конвоя.

За проезжими решётками этой стены началась Усретенская улица, в отличие от остальных замощённая досками. Миновав её, мы попали на торговую площадь, которой в будущем было суждено стать Красной.

Военный совет во главе с Колобовым и Тучковым решил царя челобитьем не беспокоить, начать уговоры с его шурина, который находился в воинском обозе. Проследовав Торгом вдоль стен кремля, отряд добрался до наплавного деревянного моста через Москвореку. Со стороны крепости переправу прикрывали два знатных артиллерийских орудия, одно из которых я знал под именем Царьпушки, второе же представляло собой какую-то странную многоствольную систему. Переход через реку по гуляющему под ногами мостовому настилу был смертельно опасным аттракционом.

Замоскворечье – явные выселки. Сразу за переправой дорога шла вдоль большого болота, за которым потянулась сквозь Татарскую слободу улица Ордынка. Местные обитатели своих южных соплеменников решили не дожидаться и массово сбежали на северный берег, под защиту крепостных укреплений.

Подхлестнув коней, эскорт менее чем за полчаса доставил меня до основного места сбора русских войск. Военный лагерь был ограждён связанными между собой телегами, с приваленными к ним бревенчатыми щитами, в его тылах роилась московская кавалерия. Воинские

люди по приезде направились записываться к полкам, кого куда пошлют, а я с телохранителями попытался пробиться к главнокомандующим – первому воеводе большого полка князю Фёдору Михайловичу Мстиславскому и к Борису Фёдоровичу Годунову, занимавшему должность товарища воеводы большого полка. Прорваться к старшим воеводам, окружённым младшими командирами и рындами, не удалось, и кучка угличан выехала поближе к фронту лагеря, посмотреть на сражение.

Поспели мы уже к шапочному разбору, битвы уже не было, лишь небольшие группы всадников носились по полю, перестреливаясь из луков, да из нашего укреплённого обоза и находящегося слева гуляй-города изредка били пушки. Солнце уже порядочно склонилось к западу, когда большие массы кавалерии на горизонте заколыхались и двинулись вправо.

– На Воробьёво поганые двинули, разорят, поди, царёвы имения да летние хоромы, – со вздохом прокомментировал манёвр старший отряда.

Потихоньку все съезды на бранном поле прекратились, и войска стали возвращаться в лагерь, таща с собой убитых и раненых. Командный состав армии пошёл на молебен в полевой храм, и я поспешил туда же, надеясь хоть там подобраться к всемогущему царёву шурину. В огромный шатёр, превращённый в церковь, удалось пробраться без помех, видимо, в эти времена даже помыслить себе, чтоб не пустить верующего помолиться, не могли. Пробравшись за спины верховных сановников, я стал ожидать конца молебна.

Старшие воеводы, однако, не прекращали истово класть поясные поклоны образу, установленному на сверкавшем золотом поставце, и читать псалмы. Лик иконы явно был мне знаком по прежней жизни, но память в очередной раз подводила. Не надеясь на послезнание, в уме попробовал перебрать все возможные варианты развития событий. Ориентируясь на находившуюся позади Ордынку, лежащие впереди Нижние Котлы и разместившиеся справа Воробьёвы горы, определил место поля боя как Шаболовку. В принципе эта местность в будущем была мне хорошо знакома, но привязаться ни к какому конкретному ориентиру не удавалось. Тут на память пришёл образ Донского монастыря, построенного в честь какой-то особо крупной победы. Извилины головного мозга пошевелились и, щёлкнув, выстроили логическую цепь. Раз монастыря в природе нет, наверняка не было ещё и события, в честь которого его заложили, поскольку икона с нами и в будущем она также находится в Москве, значит, мы не проиграем и лагерь не разграбят. Так что можно быть уверенным в успехе русского воинства. По окончании службы я перехватил расходившихся воевод и, поздравившись чин чинком, выразил твёрдую уверенность в благоприятном исходе в стиле «враг будет разбит, победа будет за нами».

– На всё Божья милость, – хмуро ответил Годунов. – Откуда сие мнишь? Али, яко родичи твои, Нагие, волхвов привечаешь, на грядущее ворожишь?

Разговор принял неприятный оборот, и от чародейства я тут же отрёкся.

– А ежели холопей твоих накрепко поспрошать, может, укажут на ведуна, что скаски сии в уста твои вложил? – продолжил давить второй воевода.

Выкручиваться пришлось изо всех сил.

– Видение мне было, Богородица явилась с сей благой вестью!

По всей видимости, уровень лжи в эту эпоху имел свой предел, и я далеко его перешёл. Предположить, что юнец благородных кровей может так чудовищно врать в божьем храме, собравшиеся вокруг благообразные мужи не могли. Новость эта произвела на них должный эффект, старшие воеводы перекрестились и, заторопившись, ушли, дабы не погрязнуть в теологических дебатах. Юный лжепророк также постарался побыстрее скрыться, чтобы не быть пойманным на мелочах в описании чуда явления.

На ночлег мой отряд разместился рядом со старыми попутчиками, около ограждения боевого стана. Я попытался уснуть после насыщенного дня на кошке под телегой, но раздававшиеся рядом отчаянные стоны спокойному сну не способствовали. Проковыляв на источник душераздирающих воплей, нашёл несколько бедно одетых людей, окруживших раненого

под натянутым пологом. Вездесущий рязанец Афанасий парой слов обрисовал ситуацию, мол, литовские то ратные люди, наймиты, ждут, когда лекарь придёт, поломанные кости больному вправит да рану от заразы кипящим маслом прижжёт.

«Да уж, если этого несчастного сейчас ещё и ошпарят по живому мясу, то либо он сразу отмучится, либо не спать мне до утра!» – подумал я.

Призвав уже имевшего операционный опыт Ждана, поручил ему найти и подготовить всё к хирургическому вмешательству. Сам завёл разговор с боевыми товарищами покалеченного бойца, но особо беседа не заладилась. Мне их говор был понятен, они же уразуметь моих речей не могли. Выручил мастер на все руки Бакшеев, вызвавшийся толмачить. Он длинно и торжественно меня поименовал, но вместо почтительного молчания и ломания шапок ратники подбоченились и так же величаво начали представляться. Услышав их чины, я заподозрил злую шутку: одетые в домотканую сермягу и обутые в разбитые поршни люди именовали себя панцирными боярами. Эти иностранные сановники были удивительно похожи то ли на вооружённых бродяг, то ли на лихих людей с большой дороги, на пятерых у них было два коня, одна сабля, короткое копьё, лук да две деревянные дубины.

Видя моё замешательство, бывший страж границы, усмехнувшись, растолковал, мол, то потомки дружинников князей смоленских, брянских да полоцких, живут крестьянским трудом, но в шляхетстве, хоть и без герба, и на рать, ежели позовут, ходят. Тем временем, прекратив распускать друг перед другом перья, договаривающиеся стороны перешли к обсуждению предстоящего лечения. Главарь литовской аристократической ватаги начал выяснять стоимость врачевания и перспективы больного.

– Ежели к утру Богу душу не отдаст, то и ладно. Даст Господь – и на ноги встанет, – взбодрил их вернувшийся дядька Ждан.

– Пенязов ³⁴, пенязов-то сколько в оплату потребно будет? – настаивал прижимистый голова панцирных.

– Выживет – отслужит! – прекратил я наметившуюся торговлю. – Не выживет – чур, не жаловаться, да и сейчас худо ему станет, голосить начнёт.

Осмотр при свете лучины – дело экстремальное. Но на счастье парня, перелом был хоть и открытый, но не очень тяжёлый. Собственно, косой перелом голени способен вылечить любой маломальски грамотный хирург. Но где его взять? Молодой врач Скопин и в позапрошлой жизни опытным не считался. Поэтому я взял на себя руководство, резал Ждан, а крутил кость Афанасий, которому, похоже, и это оказалось не в диковинку. По завершении медицинской пытки, когда раненый уже не мог кричать, ногу ему закрепили в деревянной бинтованной шине.

Место операции оказалось окружено любопытствующими ратниками, проходя к спальному месту, я слышал их пересуды. Причём уже в третьем пересказе повествование очень далеко удалилось от реальности. Устраиваясь на грубом войлоке, лекарь-недоучка засыпал под разговор караульных.

– Княжонок-то углицкий, слышь, сам третей ходил взятого языка умучивать. Злые муки ему измыслил, видом отрок, а нравом что зверь лютый.

– Ишшо люд сказывал, в изумление приходит да крови христианской алчет! – В разговор вступил кто-то дальний, невидимый.

– Ничего дивного, норов-то яровитый ³⁵ родителя его нам памятен, – под эту рекламу открытых демонстраций врачебного искусства ко мне пришёл сон.

---

³⁴ Пенязы – деньги (*польск.*).

³⁵ Яровитый – яростный (*старорусск.*).

Глава 11

Вроде глаза только закрылись, а мир вокруг тут же взорвался. Такое было стойкое убеждение при внезапном пробуждении. Вокруг раздавался грохот, периметр лагеря окружали вспышки выстрелов. От этой какофонии и в ожидании неизбежной ночной резни хотелось превратиться в мышь и уйти от опасности подземными лазами.

– Суетие-то не твори, род не срами, – крепко взяв за шкирку, остановил моё бегство потомственный воин Афанасий сын Петров. – Сторожа татарова пригрезились, вот и тратят зелье ³⁶ да свинец на пустое дело.

К пальбе присоединился расположившийся неподалёку гуляй-город, подвижная русская крепость, затем в общую канонаду влился рокот пушек с крайнего правого и левого флангов.

– То наряды ³⁷ Новодевичьего да Симонова монастырей палят, – определил источник грохота неустрашимый ветеран. – Нашито пушкарки заспали, голова тутошнего полкового наряда Фёдор Елизарев сын Елчанинов в забавлении пребывает, не то, что на монастырях головы ³⁸, те порасторопней.

Опровергая его речи, сотрясая землю, рыкнули пищали нашего обоза. Весь войсковой стан опутал кислый пороховой дым, но огонь из всех стволов не прекращался.

– У страха зеницы вельми велики. – Бакшеев, похоже, как старый прапорщик, мог придраться ко всему. – Ишь как споро палят, в аер небесный ³⁹ царёву казну мечут.

– А почто воевода ертоульного ⁴⁰ полка князь Бористо коснит ⁴¹, – в темени и дыму по звукам угадывал течение сражения сын боярский.

Заслышав с поля брани лихой посвист, старый боец, проживший жизнь в боях, воспрянул:

– То наши, рязанские охочие людишки на сходное дело пошли, а головой у них, как пить дать, князь Семён Гагин, ужо он бесерменам задаст!

Чуть рассвело, как все бросились к лошадям, но сигнала к выходу не было, пальба полностью прекратилась. Скучившийся около меня народ воспрял духом и рвался в дело. У ограждения показался посыльный к воеводам, ратники забросали его вопросами. Послушав ответы гонца, Бакшеев, уже ставший за ночь для меня непререкаемым военным авторитетом, осенил себя крестом:

– Явил Господь-чудотворец милость, вселил страх в душу КазыКирея окаянного, бегут поганые прочь с Руси!

На ум пришла читанная в детстве историческая беллетристика.

– Может, заманивают татары, ловушку готовят?

– Нет, не засада то, сеунч сказывал, в становище крымском лошади раненые бьются, жилы им юртовщики ⁴² взрезали, по крайней нужде степняки такое творят.

Прискакавший воеводский слуга затребовал меня к боярам. Те уже собирались в походной церкви на благодарственный молебен. В голове пискнул тревожный зуммер: как татары убежали, так могут и вернуться, а тут уже победу празднуют. Идея преследования отступающего противника у командующих войсками поддержки не нашла. Волей-неволей опять при-

---

³⁶ Порох.

³⁷ Наряд – артиллерия (*старорусск.*).

³⁸ Голова – начальник, командир (*старорусск.*).

³⁹ Аер небесный – воздух (*старорусск.*).

⁴⁰ Ертоульный – авангардный, разведывательный отряд (*старорусск.*).

⁴¹ Коснить – медлить (*старорусск.*).

⁴² Юртовщики – живущие в юртах, кочевники (*старорусск.*).

шлось ссылаться на горние силы и сообщать, что ангелы небесные никак не оставят без поддержки христолюбивое воинство. Даже такие необоримые аргументы особо настроя отцов-командиров не изменили. Они ссылались на усталость людей, на отсутствие царского наказа да на то, что за грехи их тяжкие Господь может милостей своих лишить.

Только братья князя Трубецкие стояли за погоню, подумав, к ним примкнул и князь Черкасский. Воеводы же главного – большого полка решиться всё не могли. Вцепившись в Годунова, принялся улещивать его будущей славой победителя крымского хана, да наградами, да чинами, что наверняка на победителей польются ручьём. Заряженный уверенностью, переданной мне бывалым пограничником, я находил довольно убедительные доводы за быстрое преследование, несмотря на полное косноязычие и незнание местного армейского сленга.

– Ну, ежели княжич Димитрий, Аникавоин, и тот на царя Кази-Кирея ⁴³ собрался вборзе, то и нам медлить да рядить более не след, – наконец принял решение Борис Фёдорович. – А то, истинно, лишит благодати Господь всеблагий и всевидящий гордецов, презревающих милости его.

Выходя из палатки, царский шурин вдруг повернулся и, слегка мне поклонившись, произнёс:

– Сделай милость, князь Димитрий, будь гостем в моих владеньях вяземских до возвращения из ратного похода. Присных своих с собой возьми, а вожей ⁴⁴ до вотчинки своей я дам.

При произнесении приглашения сделался он совершенно масляно-умильным, как кот, что на обед мышей зовёт. Добредя до своего стана в обозе, я наконец-то завалился дрыхнуть, глаза же продрал только на закате, учуяв запах похлёбки. Присев к походному котелку, поел горячего рыбного варева да прослушал кучу новостей и слухов. Больше половины русской армии ушло преследовать кочевников, присоединились к ней и многие воины углицкого отряда. Оставшиеся в обозе весь день рыскали по татарским стоянкам и собирали брошенное второпях добро. Афанасий Бакшеев разжился двухведерным медным котлом, что прочими почиталось за великую удачу, добыча остальных была скромнее. В разговоре с пожилым воином выяснилось, что его отряд служилых людей ростовского митрополита большей частью отбыл домой.

– Как же так? А поход на татар? – возмутился я.

– С каких животов ⁴⁵ замосковским детям боярским в ратный поход подняться? Жалованья-то невесть сколько не видывали! – ответил Бакшеев.

– Как же воинская честь? Да и поместья вам вроде за службу дают?

– Службу мы честно справили. Сказано быть в естях ⁴⁶ на Москве, мы и пришли. Что до дач ⁴⁷, то людишки обеднели да отошдали в край, по вольным краям разбегаются, землю орать ⁴⁸ некому, дворяне со своими детёнышами самтретей ⁴⁹ пашут.

– Тогда денежный оклад как же?

– Я серебра жалованного уж пятиные лета не видывал, ни единой полушки. Посылает митрополит, слава богу, на корма хлеб, да жито, да толокна чуток. Яко в выборных аз бывал, так от царя жаловали осьмью рублями раз о шести летах, да в дальний поход на подъём, на припас воинский, по десяти рублёв щедрили.

– Ну хоть кто-то пошёл в погоню?

---

⁴³ Хан Казы-Гирей – Газы II Герай Бора (Буря), хан Крыма из династии Гераев в 1588–1596 и 1596–1607 годах. Сын крымского хана Девлета I Герая, брат Исляма II Герая.

⁴⁴ Вожи – проводники (*старорусск.*).

⁴⁵ Животы – имущество, собственность, в переносном смысле – доход (*старорусск.*).

⁴⁶ Быть в естях – быть в наличии, присутствовать (*старорусск.*).

⁴⁷ Дачи – поместья (*старорусск.*).

⁴⁸ Орать – пахать (*старорусск.*).

⁴⁹ Самтретей – втроём (*старорусск.*).

– А як же, лучшие люди с городских полков, да дворяне московские, да вои с рязанских, тульских да северских украин. Двинули и казаки донские верховские ⁵⁰, тех сабля кормит, да наймиты литовские, тем, поди, наперёд уплачено.

– Пограничные дворяне, видно, богаче, что не отъехали от рати?

– Дак им прямой резон поганных-то гнать, те как за Окой оправятся, так в загон пойдут. Поимут все животы ихние, да девок спортят, и ежели заводных не загнали, то и в полон людишек утянут.

– Интересно, зачем наёмников брать, если своим не плачено?

– За ради боя прямого сабельного. У наших, да и у крымских воинских людей нету к сабельным сшибкам охоты. Искони норовят лучшим да огненным боем дело решить. Литвины, а тем паче ляхские лыцари, без стрельбы, сразу в рубку наезжают. Таким случаем у супротивников страх великий приключается.

Вот как раз при разговоре о преимуществах чужеземных военных гастарбайтеров те и появились. Пришли, видимо, вчерашние рыцари-крестьяне. Только вот чего они хотели, я не понимал, казалось, будто эти двое солдат удача пытаются мне какое великое одолжение сделать. Растолковал всё тот же Афанасий, мол, говорят, жив пока их родич, ну коли служба им обещана, так они бы с ним пошли, по-родственному.

– Хотите ко мне на службу поступить?

– Службу справлять – то хлопское дело, нам то не потребно. Мы желаем в хоругви у пана быть.

«Вот же спесивые оборванцы!» – подумал я, а вслух добавил, решив сразу обозначить дистанцию:

– Ко мне надо обращаться «князь»!

– Нам то титулование пустое. По статуту нашей Республики, что князь, что простой шляхтич, все едиnorodны.

– Всё ясно, вы свободны. В сад, все в сад!

– Не розумеем речей твоих, панёнок. Кликни гайдука своего, дабы толмачил.

Бакшееву я поручил отшить этих вольных воинов побыстрее, но дело оказалось не таким лёгким.

Выяснилось, что ротмистр ⁵¹ им денег не дал, лошадей своих они то ли потеряли в бою, то ли у них отобрали. В общем, на двух мужиков и одного раненого из средств передвижения они имели кобылку, монет же не водилось вовсе. Положение у панцирных бояр было, можно сказать, аховое. Однако мелко-породная шляхта продолжала ломаться, полностью подтверждая положение, что понты дороже денег. Через четверть часа рязанец сообщил, что иностранная аристократия готова поступить в пахолики, за кормёжку и малую долю в добыче.

– Что ж такое пахолик?

– Да почитай, тако же, что на Руси воинские холопы, токмо прозвище чище.

– Откуда им добычу брать?

– Ентим чего очи узрят да десница ухватит, то и добыча! Тьфу, саранча египетская!

Западных соплеменников взяли, правда, строгий ветеран пообещал им в случае разбоя или татьбы выдать виновному его жалованье наперёд, в размере двух аршин конопляной верёвки на петлю.

Последние дни убедили меня, что без опытного вояки Бакшеева не обойтись, ему тоже было предложено место в формирующемся удельном войске.

---

⁵⁰ Верховские донские казаки – жившие в верховьях Дона.

⁵¹ В то время «ротмистр» не звание, а должность – командир роты.

– Чего же не пойти, вернусь в Ростов, челом ударю митрополиту Варлааму, чаю, дозволит по твоему уезду писаться ⁵², княже. Прости за слова досадные, хоть путаник ты великий, князь Димитрий, мню, не юродивый, як народ сказывает. Зрю в речах твоих потешных зарю разумения по летам не отроческим, – ответил рязанец.

Такая ускоренная вербовка служивых явно напугала приставленных ко мне Колобова и Тучкова. Самойло подошёл ко мне и с укоризной произнёс:

– Ты, царевич, за такое своеволие от матушки с дядьями токмо розог получишь, меня же со Жданом рожном пожалуют ⁵³, да как бы жён наших с детьми не замучили за мужнин грех.

Как-то за событиями последних дней о местных родственниках я позабыл, а командир конвоя верно считал, в гневе они способны на многое. В общем, будем решать проблемы по мере их возникновения, но тут моё внимание привлекла странная аномалия. Весь лагерь был уже полупустым, лишь в нашем углу горело несколько костров.

Указав на это обстоятельство спутникам, услышал пугающий ответ:

– То вожи конюшего боярина, для опасения от лихого дела в пути на Большие Вязёмы.

Вотте раз, мы, похоже, ещё оказались под арестом. С этим невесёлым открытием я поплёлся к налёжанному месту под телегой.

---

⁵² Записаться в Разрядную книгу – встать на воинский учёт на данной территории.

⁵³ Рожон – кол. Пожаловать рожном – посадить на кол.

Глава 12

Очередной утренний подъём, посадка в седло и путь под конвоем в неизвестность. Но размышляя я в пути не о том, что меня ждёт, а о повальной местной привычке до полудня не есть. Нет, чтобы человек с утра жевал сухарь или кус холодной, засохшей каши, я иногда видел, а вот чтобы завтракали, как в моём потерянном будущем, то нет. Выделенная Годуновым охрана выбрала маршрут вдоль Москвы-реки, через Воробьёво, пограбленное крымчаками. Через десять часов не очень быстрой езды дорога вывела нас к приземистой бревенчатой постройке, огороженной длинным тыном, за которым паслось множество лошадей. Это был Вязёмский ям ⁵⁴, въезжать в него мы не собирались, но наш путь пересекли несколько гонцов, спешно выскочившие со двора.

Один из вестников, проскакав рядом, осадил коня и прокричал:

– Сим днём, на солнeshном восходе, русские полки изгоном крымского царя побили на Окереке, у города Серпухова. Многих татаровей в реку пометали, много в полон поймали, да рухляди и лошадей без счёту захватили.

Новость эта была лучшая, что я слышал за последнее время. Невдалеке от почтовой станции показалась усадьба Бориса Фёдоровича. Выглядело это ладным деревянным острогом, на валу, с заполненным водой рвом и подъёмным деревянным мостом. Рукой подозвав Ждана, я поинтересовался, как звать-величать жену боярина Годунова.

– Марья Григорьевна, – подсказал Тучков. – Да не выйдет она к нам, нелепо то – боярыне без мужа гостей привечать, клюшник али прикащик дожидаться будут.

При въезде во двор взору открылась картина той хозяйственной суеты, что бывает при полном переезде на новое место жительства. Большая часть свободного пространства была заставлена телегами и возками, с которых куча мужчин растаскивала тюки и свёртки. Руководили всей масштабной разгрузкой и сортировкой две невысокие, крепкие женщины. Прекратив давать наставления грузчикам, они направились в нашу сторону.

– Родом они худородные, вежеству не учёны! – пробурчал ошибившийся в предположениях Тучков.

Были боярыни внешне похожи, визуально явно отличаясь лишь головным убором – младшая из них была в рогатой кике, старшая же носила под платком простую, безрогую. Соскочив с коня, что, к счастью, в этот раз вышло успешно, заторопился к более строго одетой дворянке.

– Доброго здравия, боярыня Марья Григорьевна.

– Здравствуй, племяш, обознался ты, азм княгиня Анна Григорьевна Глинская ⁵⁵. Бо с сестрой мы и ликом подобиозрачны, и возрастом схожи ⁵⁶.

Да уж, не узнал тётушку, повернулся ко второй женщине, – странно, она выглядела сильно моложе, что-то княгиня путает.

– Простите, боярыня, спутал по молодости. Желаю здравствовать.

– И тебе здоровым быть, княжич, милости прошу к нашему порогу.

В беседу вступила Анна Григорьевна:

– Легка ли была дорога, не изнемог ли ты, внук, в пути?

– Спасибо, всё хорошо.

---

⁵⁴ Почтовая станция.

⁵⁵ Анна Григорьевна Глинская – старшая дочь Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского (Малюты Скуратова), любимого опричника царя Ивана IV Васильевича, вдова князя Ивана Глинского, двоюродного брата царя Ивана IV.

⁵⁶ Возрастом схожи – одинаковые ростом (*старорусск.*).

Похоже, старая Глинская заговаривается, видимо, мерещится ей кто-то другой, потому как бабушкой она мне точно не приходится, но спорить совершенно не хотелось, и я продолжил:

– Как вы себя чувствуете, бабушка?

– Что ж ты сызновато облазился ⁵⁷? Али двоение в очах, али разум запнулся? Аз есмь княгиня Анна Григорьевна Глинская, брательница твоя троюродная по батюшке, возможно ли сие тебе уразуметь?

Я совершенно не понимал, кем мне она приходится, но на всякий случай согласно покивал головой. Тут вступила Марья Григорьевна:

– Сестрица, не бранись на сирого отрока, сие же он припуган, онемел аж.

– Ступай до палат, княжич, располагайся, да почивай покойно, а там опосля молебна и вечерять пора наступит.

Приветливо указав мне рукой на хоромы, зашептала сестре:

– Сказывали же люди, слаб умом Димитрий, да хвор телом, а ежели со страха на него падучая придёт? У него и так с дороги в очах двоится. Какие басни учнёт чёрный люд баять?

Я поплёлся в сторону деревянного терема, но тут, вспомнив главную весть, выпалил:

– У Серпухова татар разбили, одолело врага наше воинство!

– Слава Господу, смилостивился царь небесный, даровал оборение неверных!

Боярыня, истово крестясь, закричала степенному приказчику, что пересчитывал кули на возах:

– Микитка, беги к попу, отцу Никодиму, дабы не вкушал ничего, да облачился торжественно, благодарственный молебен служить уготовился.

При этих словах и так протекавшая на подворье сумятица многократно усилилась, превращая запутанную разгрузку и приём груза в настоящий хаос.

Слуги провели меня в одну из пристроек дома, где я и несколько моих людей разместились. К счастью, до ужина никто с расспросами не лез, а беседа при вечерней трапезе протекала в формальной форме, что позволяло отделяться краткими ответами. Образ слабоумного ребёнка надо было разрушать, и мне приходилось вслушиваться в застольную беседу сестёр, чтобы в нужный момент блеснуть огромными для этих времён познаниями. При переходе разговора на хозяйственные темы стало ясно: время пришло. Выслушав сетования о затруднении проверки счётных записей отгруженного, принятого и запасённого, я торжественно предложил свою помощь.

– Ты, батюшка, счётной грамоте учён? – подивилась княгиня. – Нам-то с сестрами в младых летах не до того было, то молодых нянчили, а то пряли али ткали. В зрелых же годинах неудобь сие постигать.

– Ну как же. Я отлично знаю математику. Могу в уме считать, если надо.

По распоряжению хозяйки ключники принесли записи, представлявшие собой длинные, накрученные на деревяшки свитки. Их развернули, и на меня нашла оторопь. Буквы я еще мог с грехом пополам разобрать и сложить, но вот цифровая запись предстала в виде какого-то шифровального кода. Ряды клеточек, как для игры в крестики-нолики, с хаотично расставленными внутри буквами перемежались странными закорючками.

– Что сие?

Младший ключник заглянул через моё плечо и сказал:

– Хлебная роспись. Принято в амбар внове две сотни и пяток четьи ржицы с полполтредью осьмины. Выдано шешнацать четвертей с осьминою, да семи разов по тридесати семь четей без полуосьмины, тако всё и роздано.

---

⁵⁷ Облазился – напутал, впал в заблуждение (*старорусск.*).

– А арабскими цифрами нельзя записать? – тут я вспомнил происхождение современных счётных символов. – Или индийскими?

Понадеявшаяся на меня и обманутая в лучших чувствах Анна Григорьевна разозлилась:

– Какие ж тебе цифры нужны? Мы, чай, не в Индии, а на Руси, и счёт наш исконно словенский. Аль и про учение счётное ты лжу сказывал, насмехался над нами?

В очередной раз я, похоже, крепко сел в лужу. Отступать не хотелось, и мне пришлось потребовать ещё раз прочесть приходнорасходную запись. В уме сразу стал складывать целые числа, решив разобраться с дробными потом. Баланс явно не сходился, выдано было больше, чем принято.

– Сколько раз принимали в амбар зерно?

– Един раз. Две сотни и пяток четвертей да к ним полполтреть осьмины, – ответил приказчик.

– И ничего там раньше не лежало?

– Истинно. В пустой клали.

– Значит, со счётом при выдаче ошиблись, меньше выдали.

– Облыжно ты, князь, вину возводишь. Тем дачам многожды видоков ести. Да меры двукратно считаны.

– Да не сходятся твои записи. Принято двести пять четей с малой толикой, а выдано двести семьдесят пять с чем-то, не может такого быть.

– В отдачу пошло две сотни семеро десятков да три четверти с осьминою да полуосьминою.

– Ну вот. Сам сознался. Как ты раздатьто смог больше чем взял?

Ключник поклонился княгине и боярыне и произнёс:

– Дозвольте слово прямое молвить.

– Говори, Тришка.

– Мню, дураки княжича Димитрия счётной грамоте учили, окромя устных складывания да вычета, ничему не обучен. Добрый учитель ведает, да юноту учит, что в честной приемочной полной мере осемь четей, а в отдаточной без обману шесть. Ну а про то, что он знаков цифирных не розумет, да буквенные некрепко, сие есть стыдное дело, по родству ево непригоже в бесписменниках ходить.

– Ладно, ступай, Трифон.

Закончила урок арифметики боярыня Годунова:

– Ты, отрок, не тужи. Ежели будешь речи наставников с прилежаньем постигать, то и овладеешь хитрым умением счётным. Что небреженьем тебя держали, то на Москве уже ведают.

На этом ужин был завершён, и слуги препроводили меня галереями в выделенную часть хором.

Глава 13

Следующие дни прошли в ожидании возвращения Бориса Годунова от войска. Свободы в этом принявшем доме мне предоставлялось больше, чем в родном, угличском. Даже ежедневные походы в церковь не являлись строго обязательными. К тому же изрядно разносолней был стол, компоненты те же, а разнообразия больше. Вкусно было, несмотря на пост. Особенно хороши были десерты, по сладкому я успел соскучиться. Огромным хозяйством управляла сама боярыня Годунова с помощью старшей сестры. На женской половине терема были слышны детские голоса, но показывать своё потомство гостям никто не собирался. С Марьей Григорьевной, постоянно погруженной в хлопоты по имению, мы встречались редко, совместных трапез больше не проводилось. А пожилую, вдовую княгиню Анну Григорьевну можно было видеть в саду, причём зачастую в одиночестве.

К ней я решил подойти пообщаться, вызнать о перспективах челобитья царю. Уяснив из моих сбивчивых пояснений цель беседы, Глинская вздохнула:

– Не по чину мне царёвы думы ведать, но мыслю, на сродственников твоих положена буде опала великая, а то и казнят смертью кого за измену.

– Какая ж на них измена?

– Привлечение чёрного люда к бунту, да московское зажигание, да и колдовство презлое.

– Какое-такое колдовство?

– Ведунов держали, гадали те на царёв век, сколько ему на белом свете жизни осталось.

– С посадскими Углича что же будет?

– Знамо дело, бунташников да убойц государевой челяди не помилуют.

Перспективы были обрисованы совсем нерадостные. Оставалось надеяться на личную встречу с Фёдором Иоанновичем. О том же, видимо, думала и княгиня.

– Ты государю челом бей, даст Господь, смилостивится, он вельми не гневлив, не в батюшку норовом-то вышел.

– Анна Григорьевна, а отца моего часто видели?

– Да откуда мне, я почитаю до свадьбы в поместье отчем безвыездно пребывала, токмо при венчании своём, да на богослужениях праздничных, ибо государь Иоанн Васильевич был к нам вельми щедр. По кончине родителя нашего, Григория Лукьяновича, весь оклад земельной да денежной за матушкой оставил, в казну вотчины не велел отписывать, да в приданое мне с сёстрами дары слал. Марью надо спрашивать, они-то при государевом дворе живали, от венчания с Марфой Собакиной на каждой свадьбе великого государя в свахах ходила.

– На свадьбе с моей матерью тоже присутствовала?

– Вестимо, первой свахой у Марьи Нагой, а муж ея, боярин Борис Фёдорович, в невестиних дружках, сестра ж его, царица Ирина, за посажёную мать была.

– Раз мать с отцом обвенчались, отчего именуют меня княжичем, а не царевичем?

– Не церковным обычаем обряд провели, да и свадьбу играли не царским чином, мирским. На небесах-то таинство брака не скреплено, не пред Богом, лишь пред людьми родители твои венчаны, – вздохнула княгиня.

Выяснять, почему это совершённое в храме попом венчание может быть не церковным, я не стал. Разговор перешёл на родню Глинской, и мне поведали, что у них с Марьей есть ещё две сестры, одна замужем за князем Дмитрием Шуйским и проживает в Москве, другая – вдова служилого ногайского князя и живёт в своём имении. Узнал я и том, что единственный их брат погиб в первом же бою новиком, не успев даже записаться по уездному списку, а годом позже в военном походе лишился жизни и их батюшка.

Лицо старой женщины светлело, когда она вспоминала, как радовались они детьми, когда в их маленькую деревянную избушку всего несколько раз в год приезжал со службы отец, не

забывая привозить им гостинцы. Как поражены они были непривычной роскошью, переехав жить в подаренные царём родителю хоромы в Москве.

Воспользовавшись паузой в воспоминаниях, спросил:

– Кем служил ваш любезный батюшка?

Анна Григорьевна запнулась и, пристально глядя на меня, ответила:

– В ближних подручниках государя Иоанна Васильевича в чине думного дворянина ходил. Из рода Скуратовых-Бельских мы.

Имя и фамилия их достойного предка мне ничего не говорили, но вида я подавать не стал:

– Господь вознаградил его за труды честные. Несомненно, душа его в райских кущах пребывает!

Княгиня, не отводя от моего лица пронзительного взгляда, ответствовала «аминь» и, крестясь, удалилась.

Следующим днём, перед вечерней службой, в поместье прискакал конюший боярин Годунов.

На ужине мне довелось услышать переданные им жене последние новости: царь Фёдор Иоаннович осыпал его милостями, даровал древнее и очень почётное звание «царский слуга», это помимо земельных и денежных пожалований. Пересказывая церемонию пышного обеда, на котором раздавались награды воеводам, Годунов, взглянув на меня, сказал:

– Истинно ты предвзыграл, княжич, пред выездом на поганого Кази-Кирея, по обещанному всё случилось. Кто ж в уста тебе вложил речи те, ангелы небесные аль искуситель рода человеческого? – И тут же добавил: – Думу поутру думать будем, сей час радостный пир у нас!

Однако меня с начинавшейся торжественной пьянки увели, видимо, рассудив, что такое увеселительное мероприятие отроку не по годам.

Глава 14

Новый день начался с сюрприза – к годуновскому поместью прибыли ходившие на татар бойцы угличской свиты. На литургию я пришёл в приподнятом настроении, мой военный отряд уже лишь чуть меньше чем вдвое уступал в количестве воинам боярина и явно мог оказать сопротивление при нашем аресте. На удивление, Годунов медлить не стал и пристал с разговором сразу, не дожидаясь окончания церковной службы, протопоп косился на него, но к порядку не призывал. Крестьясь на образа, я повторил свою старую версию, что кое-что о грядущем мне сообщает прямо Богородица, являясь во сне. От уточняющих вопросов отмахнулся, сообщив, что образ Богоматери слишком светел, чтобы его описывать, а речи громopodobны, и человеческими словами не передать. Поэтому могу пересказать только оставшиеся поутру убеждения, явно внушённые мне высшими силами.

Борис Фёдорович сомневался и пытался подловить на несуразицах, но моё сообщение о том, что быть ему правителем государства Российского, заставило его остолбенеть. Подав знак священнослужителю, он заставил его сократить церемонию и по окончании молебна заторопился из храма, таща меня за собой. Провожаемые удивлёнными взглядами, мы буквально стрелой пролетели через двор и поднялись в приёмную палату боярина. Первым же делом, притворив дверь, Годунов поинтересовался, когда это произойдёт, на что я ответил вполне в цыганском стиле, что, мол, вскоре, но точно ещё неизвестно. Хотел узнать он и о здоровье своих жены и детей, на что пришлось отговориться незнанием. Далее разговор перешёл в практическое русло, а именно в отношении меня и моей родни к порядку престолонаследия. Тут мне пришлось проявить себя настоящим Павликом Морозовым, открестившись от мечты родни о троне, и поведать, что лично я наперекор высказанной Божьей воле точно не пойду. Борис начал прикидывать, кого из Нагих можно упросить помиловать у царя и боярской думы, но моя просьба наперёд освободить от наказания посадских Углича в очередной раз ввела его в ступор.

– Даже для матери своей не станешь просить милосердия? – наконец смог произнести он.

Отвечать «нет» было бы слишком. Однако продолжать жить куклой в руках Марьи Нагой не хотелось, поэтому я попросил определить её в какое-нибудь имение доходное, под домашний арест, на покой.

– Упокоить мать алчешь? – Годунов смотрел на меня как на явившегося посланника дьявола.

Попытался объяснить своё предложение словами попроще, мол, надо оградить её от беспокойств, пожить в уединении от буйных родных, но без насилия и тюрьмы.

– Из мира удалить желаешь, – перевел на понятный себе язык боярин.

Тут уже пришлось насторожиться мне, и я настойчиво повторил, что казней быть не должно, ни посадских, ни родственников.

– Слава богу, при государе Фёдоре Иоанновиче именитых людей смертью не казнят, токмо, бывает, опалу возложат али на украины дальние отошлют с приставами, а как до прямых убийц людишек государевых, тех миловать невмочь.

С наказанием непосредственных исполнителей убийств я согласился. Но обрекать родню на ссылку тоже не хотелось, и я попросил поселить их под охраной в их имениях.

– Пушай водворяются в казанских аль пермских вотчинах, а ежели не владеют теми, то государь пожалует.

О том бить челом царю и порешили, и беседа перешла на тему сугубо практическую, а именно о материальном вознаграждении за сдачу семьи и прав на престол. К тому, что с лёгкой руки отписал царственный брат, мне пообещали добавить отнятое у Нагих и ещё пожаловать имениями да денежной и меховой казной. Также в кормление матери дать какую-нибудь сло-

боду побогаче или городок победнее. Обрисовав столь радужные картины скорого обогащения, Годунов решил время не тянуть и предложил собираться в дорогу на Москву.

Боярин настолько торопился в дорогу, что решил ехать в возке и в нём же отобедать. От приглашения присоединиться я не отказался, о чём практически тут же пожалел. За трапезой Борис Фёдорович засыпал меня вопросами о ближайшем будущем, интересовали его в основном внешнеполитические проблемы. Собственно, я не мог сообщить ни о перспективах шведской рати, ни о том, начнется ли война с Польшей, ни что замышляет крымский хан. Добил он меня расспросами о том, придут ли бухарцы на помощь царю Кучуму⁵⁸ и каков будет результат похода на шевкала Тарковского⁵⁹. Не заметив на моём лице ни тени понимания, царский шурин изрядно расстроился. Стараясь его успокоить, пришлось пообещать ежедневно молиться Богородице о ниспослании знамений о грядущем. Не добившись от незадачливого пророка ничего большего, Годунов, оставив меня в пародии на карету, пересел в седло и с частью охраны резво двинул вперед.

В столицу наш обоз прибыл уже на закате солнца, поэтому все проездные ворота и уличные заставы мы проходили со скандалом и криком. Собственно, по наступлении темноты весь город превращался в непроходимую баррикаду. Перегороженная в конце каждой улицы решётками, как мне объяснили, для береженья от ночной татьбы, с тёмными каньонами улиц, наглухо огороженных тынами дворов, наполненная собачьим лаем, ночью Москва казалась находящейся во вражеской осаде. Наконец путь закончился на кремлёвском подворье конюшего боярина, и встречавшие нас с факелами слуги повели меня и сопровождающих в опочивальные палаты.

Утреннее солнце ещё только отразилось на крышах кремлевских палат, а уже вовсю началась подготовка к официальному посещению царя. Полностью пренебрегая климатическими условиями, на моё несчастное тело было одновременно напялено три вида кафтанов, две шапки да столько же пар сапог – мягких внутренних и сафьяновых верхних. Сам себе я казался огородным пугалом, но ключники и постельничьи Бориса Фёдоровича, доставившие из его обширных закровов основную часть гардероба, выражали полное удовлетворение наблюдаемым одёжным сумасшествием. Как только процесс облачения был признан завершённым, моё разряженное тело стали передавать из рук в руки, как большую куклу. На крыльцо меня тащили под руки одни люди, во дворе до богато убранной лошади другие, третьи же, подсадив в седло, повели коня под узды.

Завершилась эта своеобразная езда шагов за тридцать до сиявших золотом лестниц Грановитой палаты. Пространство перед входом во дворец было заполнено стрельцами в красных кафтанах, вдоль рядов которых меня, взяв под локти, пронесли уже новые чиновные люди. В начале лестницы у помоста толпились молодые дворяне, и встретивший нас дьяк долго расписывал их имена и чины. Вторая такая же церемония была устроена посередине подъёма, там во встречающих были уже люди постарше. При завершении восхождения на Благовещенскую лестницу у входа в палаты был выстроен почётный караул из разодетых в золотой и алый бархат воинов, вооружённых алебардами, а за ним в сенях дожидалась уже третья группа встречающих.

Еле вытерпев степенный обряд представления, я наконец попал в приёмную часть помещения, где сидели бояре и стоял царский трон. При моём появлении разодетые старцы поднялись с лавок и прошли ближе к центру зала. Неожиданно мои руки оказались свободными, и я застыл в пяти шагах от трона Фёдора Иоанновича, соображая, что следует далее предпринять. Прервал моё оцепенение царь, который сошёл с трона и заключил в объятия своего младшего брата, вызвав в палатах изумлённый гул. После этого неожиданного проявления чувств госу-

⁵⁸ Царь Кучум – сибирский хан (царь) Шибанид, внук Ибака – хана Тюмени и Большой Орды.

⁵⁹ Шевкал Тарковский – шамхал Тарковский, титул феодального правителя владения (шамхальства) в Дагестане.

дарь высказал слова приветствия и вернулся на своё законное место, протянув вперёд руку ладонью вниз. Из его жеста я сделал вывод, что, видимо, пришла пора рукоцелования, которое со всем возможным артистизмом исполнил. Далее приём продолжился чтением дьяками жалованной грамоты ⁶⁰, из которой стало понятно лишь то, что жалуют мне «за любовь» множество всего, да также сообщили приговор патриаршего суда по поводу попытки убийства угличского князя. Из этого документа стало ясно, что, дескать, умысление на убийство на Осипа Волохова нашло дьявольским наваждением, за что он и покаран судом людским и Божьим, остальные кровопролитные события там не освещались вовсе. По окончании чтения приговора сводный брат Фёдор изобразил отпускающий жест, и меня со всем бережением потащили обратным путём.

По возвращении на подворье Бориса Фёдоровича я увидел угличских дворян, которые седлали лошадей, старательно не глядя в мою сторону. Из всех членов свиты пожелал отвечать на мои недоумённые вопросы только Ждан Тучков:

– Сказывали люди дворские, будто отринул ты, царевич, род свой за ради даров окаянных, да сговорился с боярином извести родственников своих для завладения животами их.

Дядьке удалось всколыхнуть совесть своего воспитанника, и то, что ещё вчера казалось отличной сделкой, сегодня предстало уже в другом свете. Собственно, обрэк я собственную номинальную семью на изгнание и заключение даже не за деньги, а лишь для того, чтобы иметь свободными руки, не находиться под мелочной опекой да не соблюдать установленный в родном доме распорядок жизни. Посвящать в это окружающих было явно лишним, и в ответ на высказанные упреки пришлось озвучить собственную версию:

– Дядя мои вину за бунт возводили на посадских. Для избавления родичей от смерти за их вины челом бил, а что до опалы, на родственников возложенной, то царь милостив, через скорое время и помилует. Мёртвых же не вернуть.

Аргумент дядьку озадачил:

– Стало быть, за чёрный люд печалишься, о крови своей не тужишь. Чудны дела твои, Господи!

Качая головой, он пошёл сообщать эти престранные вести собравшимся отъезжать помещикам, что вызвало среди них бурное обсуждение. Один из беглецов, Лошаков, передумал и начал расседлывать своего верхового коня. В это время к хоромам прибыла процессия из дворца, доставившая младшему брату государя еду с царского стола. Такое явное благоволение верховной власти переменяло настроение большинства воинов угличского конвоя, и они присоединились к Ивану Лошакову, со двора съехало только трое человек во главе с Самойлой Колобовым. Для закрепления успеха я приказал кухонным слугам тащить жалованные кушанья на задний двор, к летнику, куда и пригласил за стол всех своих спутников. При трапезе стал интересоваться у Бакшеева геополитикой местного времени, да что он думает о планах на будущее крымского царя.

– Да, поди, Кази-Кирею, коли целым с рати придёт, дары слать надобно в Царьград, дабы шею свою от удавки сберечь, – подумав, ответил Афанасий.

– Что, сместить его могут за неудачу?

– Дык у нихто престол не от отцы к сыну, а по старшему родству, да кто биям мил, поди, до царского-то звания охотников-то немало.

– С новым ханом как будет?

– Ежели заматня случится, будет русским украинам облегчение малое, а как новый царь на улус сядет, то сызнава ратится учнёт. У татар перекопских какой новый государь объ-

---

⁶⁰ Жалованные грамоты – название правовых актов в России, предоставлявших церквям, монастырям и различным корпорациям, учреждениям и частным лицам определённые льготы и преимущества.

явится, то сразу первым делом соседей воюет. Кто в походах ленив, тому той державой владеть немочно.

Похоже, власть в Крыму меняется по принципу «Акела промахнулся». Миротворителю там к власти не прийти, но стоило уточнить детали.

– Если Кази-Гирей в ханах останется, двинет снова на Русь аль нет?

– Сам-то уж нет, вдругорядь неуспех будет, то второй оплошки ему не спустят, калгу али царевичей пошлёт. Царь крымский двинет туда, куда сподручней да где супротивники нерасторопны – на литовские, а то волынские у крайны.

– Зачем же ему часть войска отделять, на Москву отсылать?

– Чтoб поминки побогаче с государства нашего Московского слали, каждый царь крымский как на престол сядет, за присыл тот воюет, дабы по старине, по ордынскому выходу получать. У КазыКирея того уж почитай второй год посол наш сидит, рядится.

– Точно ли ты знаешь, Афанасий сын Петров?

– Да сходи, сам у татаровей поспрошай на Крымском дворе, али ещё где у полоняников, – обиделся на недоверие ветеран.

– Что же татары делают на том дворе-то?

– Вестимо чего, окуп аль обмену ждут, в немирное время там завсегда государев полон держат.

– Ещё где полон есть?

– Царёв-то за приставами, а что ратники поймали, то на Ивановской сыскать можно, у Холопьяго приказа.

– Пойдём, глянем?

– Разве порушенья чести не будет твоего у торжища-то колобродить?

Пришлось по этому поводу вступить в переговоры с Жданом, на поход по центральной площади он согласился, но с непременноим моим верховым выездом с изрядным конвойным сопровождением.

Ивановская площадь, несмотря на послеобеденное время, была полна народу. У здания Холопьева приказа пожилой стрелец яростно торговался с подьячим о размере вознаграждения за составление записи, рядом стоял, пытаясь выглядеть каменным памятником, невысокий черноволосый паренёк в цветастых куртке и шароварах.

– Здрав будь, служивый, – поздоровался ушлый рязанец. – Самолично сего молодца пленил?

– И тебе здравия, – ответил краснокафтаный воин. – Как звать-величать вас, чьи людишки будете?

После последующего взаимного представления Афанасий переспросил о пленном, где, мол, добыт.

– У вяземского сына боярского, жильца московского, сторговал. Тот их целый выводок во языках поял ⁶¹. На службу его отправляют на свейскую войну, а до поместья неблизко, вот и раздаёт их за малый окуп, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

– Зачем тебе холопто полонный, неужели помещьем владеешь?

– Нет, в лавке сидеть некому, сыновей Бог не дал, жена стара, а две дочки на выданье, опасливо их на торгу оставлять. Шорным товаром пробавляемся, люди-то разные приходят. Татарчонок по-нашему мал-мала разумеет, счёт хитрый ведает, да в товаре должен понимание иметь.

Пограничник перекинулся с пленным несколькими фразами на татарском.

– Ишь ты, не из крымцев, из черкес купля твоя, а можа, он православной веры? А ты его с торга аки барана тащишь?

---

⁶¹ Во языках поял – взял языка, захватил в плен.

- Ты что ж молвишь этакое, нет на нём креста, первым делом глянули.
- Мню я, дружище, тащишь ты козла в огород, – продолжал терзать стрельца Бакшеев.
- Почто так?
- Дык ево-то, знамо дело, татаровям головой выдали за вину какую немалую, вестимо, девку в родном юрте спортил. От твоих-то дочек не отженить такого молодца будет.
- Мал он вроде для того дела летами, да и возрастом невелик.
- Хе, мал, ты порты с его сними да на михирь глянь, он, поди, весь в корень ушел.
- Тьфу, охальник, – сплюнул с досады солдат-лавочник, но на своё приобретение стал уже поглядывать с опаской.
- Да не серчай, служивый, – продолжал лить масло в огонь Афанасий. – Чей бы ни был бычок, телята твои будут.
- Обрюхатит – повенчаем, – начал искать выход из ситуации уже поверивший хитрецу царский стрелок.
- Как же обряд-то проведёшь, он ить веры поганой али бесерменской.
- Окрестим, знамо дело.
- Ну коли черкешенок твой креститься не возжелает? Силком-то заповедано.
- Ежели насильством нельзя, то лаской уговорим, – насупленный стрелец показал изрядных размеров кулак.
- Эх, не обдумал ты куплю, выйдет тебе вместо облегченья одна морока, – не стыдился сочувствовать Бакшеев. – Умно было б выждать, да как на свеев в рать пошлют, там-то по случаю и обзавестись немцем, або литвином, они уж посмирнее. Много ль серебра дал за огольца этаково?
- Почитай шесть рублёв, да двадцать алтын с деньгой.
- Справно же ты годовое государево жалованье-то растратил, – завздыхал тароватый рязанский дворянин и, приблизившись к незадачливому рабовладельцу, зашептал: – Могу упросить княжича твоего холопа взять на себя, он тебе убыток-то возместит, да, пожалуй, и приварку алтын пять накинёт. У него, на Угличе, холопей-то в строгости держат, не забалуёт.
- Уж пожалуй, сделай милость!
- Бакшеев, повернувшись ко мне, подмигнул и, придав голосу умоляющую интонацию, занял:
- Господине, выкупи отрока сего у достойного мужа, стрельца московского, он нам в конюхах зело полезен будет.
- Стараясь не выдать мимикой эмоции от такого весёлого передела собственности, распорядился Ждану отдать денег. Тот искренне не понимал, зачем платить за дикого степняка такую прорву денег, но перечить не стал и пошёл с обрадованным солдатом к нашему двору, подьячему без торга была обещана его плата, и он стал составлять грамоту на полоняника. Раздевать пленника для осмотра особых примет мы не стали, чем вызвали недоумение у приказного канцеляриста:
- Ежели сбежит, без писанных отметин розыск учинить невмочно будет!
- У нас далеко не убежишь, – развеял его сомнения Афанасий.

Глава 15

По завершении бюрократической процедуры наша кавалькада тронулась с площади. Свежеприобретённый живой товар вступил в дискуссию с ветераном-пограничником, владеющим, кажется, всеми наречиями южной степи. Из сумбурного диалога были чётко различимы лишь отдельные слова – аталык, бесленей, мурза, эмильдаш.

– Просит черкес брата его молочного из полона у простого человека выкупить. Сулит окуп богатый, молвит де из мурзинского рода, – сообщил мне результат общения бывалый рязанец.

– Да есть ли смысл в том деле? – поинтересовался я.

– Корысть завсегда найти можно, да коль правда татарчонок родовитым окажется, то окромя серебра и знание какое извлечь можно.

– Как же, ты говорил, за брата просит, он черкес, тот татарин, может, врёт всё?

– Вскую ли ему лжу творить? Зачем врать, коли очами всё увидим, он баит, тут недалеко. Да черкес-то наш малой сам непростого чина, молвит, дескать, орк он.

– Кто?

– Уорк ⁶²!

– Это кто такие?

– Да уздени то, как у нас московские дворяне, панцырная дружина князей их. Они ж в горах каменных проживают.

– Кто в горах живет?

– Да орки, прямо ж сказываю.

Полный сюр, орки тут у них по горам бродят. А я точно в прошлое моего мира попал или это какая-нибудь параллельная реальность? Альтернатива выбора добавляла грусти, и мне было проще верить в дикие загибы этой реальности. С такими-то невесёлыми мыслями мы и отправились на указанный пленником двор, который находился в Занеглименье на Орбате. Находящаяся за Кремлем, сразу за мостом через реку улица была богатой, с двух и трех-этажными усадьбами. Нужно нам подворье помещалось в проулке и принадлежало явно не боярину.

На стук в ворота открыл хозяин, снаряжённый как для боя. Узнав цель визита, пригласил нас заезжать внутрь. Бакшеев начал торговаться, не слезая с коня, из его слов следовало, что нужен нам младший конюх, и так и быть возьмём, если есть лишний, но только незадорого.

– Простых татарчат я уже роздал, – сообщил озадаченный хозяин. – Остался токмо мурзин сын, но за него откуп богатый получу.

– Родовитого удержишь? – слезая с коня, удивился рязанец. – Едва ли не ведаешь, что знатных государь велит на его Крымский двор вести, за его голову награду дадут?

– Да что та награда, крестовик золотой португашский!

– Честь царская уж и не в почёт, стал быть? Ни о чём, окромя богатства, уж и не думаешь? Знамо ли тебе, купчина, что за единого мурзу можно дванадцать ⁶³ душ христианских из бесерменского рабства вывести? Кровью православной торгуешь?

Вяземский воин, услышав обращение к себе как к заурядному купцу, налил весь дурной кровью и стал хвататься за оружие.

– Пошто сабельку аки девку красную лапаешь? – не меняя тона, спросил Афанасий. – Правда очи ест? Ну тогда аль тут руби, али отворяй ворота, съеду с двора сего воровского! Ну уж уста-то затворёнными держать не буду, скажу весть сию, кому знать следует.

---

⁶² Орк, уорк (уэркьадыг) – черкесский дворянин, делились по степени знатности на четыре степени.

⁶³ Двадцать.

Дворянина такой поворот событий заставил задуматься. В ходе мыслительного процесса его лицо поменяло цвет с красного на белый. Он начал уговаривать нас никому не докладывать, оправдываясь денежной нуждой.

– На что ж серебро тебе потребно, вроде бронь у тебя справная, вон и наручья есть, да и шелом работы персидской?

– Дочка у меня старшая в лета супружеские вошла, почитай четырнадцать годков уже. А обликом она вельми болезна – глазища в пол-лица, тоща, длинна, бледна. Ножки длинные, тоненькие, того и гляди переломятся, перси малы, в кого такая уродилась – неведомо, мать-то баба справная. Хотя и ледащая, а своя кровиночка, родная, жалко её, без доброго приданого замужто не возьмут. Дача невелика, земляца худая, не родит вовсе, одна надёжа на добычу воинскую, а то хоть доспех продавай.

– Трудно в твоей беде подсобить. За такой-то дочь в отдачу холстом да скатёрками с горшками не откупишься. Тут взаправду серебра жениху отсыпать надобно, а иначе путь один – в монастырь, да и там вклад денежной нужен, – задумался Бакшеев. – Бронь продавать дело глупое, на смотр явишься с худым доспехом против писаного, так и жалованье земельное урежут, совсем пропадёшь.

– Уж не выдавай меня, друже! – попросил страдающий за дочь помещик. – Сам завтрева, поутру, свезу мурзинского сынка на царёв двор, пуцай приставы его опишут.

– Давай хоть глянём, из чего сыр-бор, – предложил подобревший ветеран-пограничник. – Может, напраслину на себя возводишь, из простых чабанов добыча твоя.

– Нет, не пастух тот малец, – заверил вяземский боярский сын. – Одет в атлас, да знаки у него на теле, ну и норов горяч, помят, и то, как собака бросается.

Помещик проводил нас на задний двор, где у хлева сидел на железной цепи, вверченной в бревенчатую стену, молодой паренёк в лохмотьях.

– За что ты его так? – поинтересовался Афанасий.

– Да вот, – дворянин показал на кисти руки свежий укус. – Как погрыз, ну, значит, и сиди на цепи, яко пёс.

– Как же ты добыл-то такого норовистого? – не унимался с вопросами рязанец.

– Малого татарчонка я в их обозе взял, телегой тот правил, а того, что с вами, ентого да ещё одного уже попозже, на берегу Оки мы с братаничем прихватили.

– Как же одолелито вдвоем троих?

– Да из воды вылезли сумлевшие, плаватьто токмо вон малец, что с вами, умел, он двоих и тащил еле живых. Видать, подустал малость. К тому же выбрались они без брони да оружия, то ли побросали, то ли с конями на дно ушло. Ну, мыто побыстрому арканы и набросили на двоих, а вашто отрок дёру не стал в кусты давать, попробовал ремённые петли руками порвать али скинуть. Да куды ему, кожа добрая, конём сшибли, да такоже повязали. Мурзёнокто выкобениваться стал, вот я его и поволочил чуток за лошадкой на аркане. Думал – зашиб, но оклемався нехристь. Ещё руку погрыз, когда с него одежонку обдирал, больно атлас хорош, бабам на платки любо будет.

Бакшеев подошел поближе к юнцу, внимательно его осмотрел и сообщил:

– Обознался ты, друже. Эт мурзин слуга – виршеплёт.

– Какой-такой виршеплёт? – удивлённо переспросил вяземский воин.

– Ты татарское наречие разумеешь? – ответил вопросом на вопрос Афанасий сын Петров.

– Словес полста знаю, а более нет, да и не желаю знать, в полон, не дай бог, попадёшь, там хочешь не хочешь, а разучишь.

– Вот ты его, мил человек, и не понял. Он прислужник мурзинский, хоть и ближний. Он для услаждения своо господина речи складывает, уж больно родовитые татаре складно молвить любят. Яко скоморох, в обчем.

Мозг служивого явно закипел, он снял шлем и начал озадаченно чесать затылок. Бывший порубежник же начал с пленным разговор по-татарски, и спустя несколько минут мальчишка на цепи начал что-то декламировать. Язык был восточный, но это были или стихи, или песня, рифма явно присутствовала.

– Вишь, он и по-арапски, и по-татарски вирши складывать учён. Какой же с него мурза? – ухмыльнулся Бакшеев.

– Можа, он поп бесерменский? – надеялся на лучшее помещик.

– Где же видывали муллу, чтоб бородёнка ещё не проросла? – уничтожил надежду рязанский знаток. – Скоко в плату хотел получить?

Вяземец натужно пытался представить себе попа без бороды, у него явно не выходило, и он сконфуженно произнёс:

– Чаял рублёв сто аль хоть полста.

– Ты, вроде, муж зрелый, а баишь, будто белены объелся! – усмехнулся Афанасий. – Ты спрашивай за этого полудохлого никчёмника сразу бочонок злата. Не расторгнешься, но хоть люд подивишь.

– Твоя каковская цена будет?

– За ради маеты твоей с дщерью несчастной, да княжича нашего доброты великой одарим пятнадцатью рублями, деньгой московской, не порченой.

– Можа, мурза за своего ближника поболе окуп-то даст?

– Ежели жив с брани вернётся, да захочет выкупить, то и даст. Можа, люб ему энтот отрок, у татаровой, знаш, грех содомитский почасту бывает. Не проверял?

Помещик аж подавился словами и только замычал нечленораздельно, вовсю в отрицании трясая головой.

– Озюн кетлюк, урус!!! Озюни сокарым!!! – припадочный татарчонок начал биться в цепях.

– Вот, за живое взяло, чую, дело тут не ладно, надо бы повременить с куплей, – с удовлетворением заключил Афанасий.

Подъехав ко мне, рязанец ухмыльнулся и вполголоса произнёс:

– Ишь как мурзёнок взбесился. Бранными словами хулит, убить грозит, точно высококордный!

Испугавшись, что мы уезжаем со двора, уже согласный на всё, дворянин из Вязьмы взмолился:

– Христом Богом прошу, забери ентого сына нечистого!

– Эх, ладно, раз обещался – возьмём, княжича моли, чтоб не снял мне голову за такую пустую растрату казны, – переключил на меня внимание Бакшеев, сам сделав рукой жест конвою, чтобы вязали буйного мальчика.

– Княже, сделай милость, забери ирода, я за твоё здравие свечу в две гривенки весу в церкви поставлю, век Бога молить буду! – надрывался торговец ясырём⁶⁴.

Мало чего понимая, я промямлил, что заберу. Откуда взять на оплату пленного денег, мне было неизвестно.

Погрузив покупку животом на круп заводного коня, Афанасий сообщил вяземцу:

– За платой завтра поутру приходи ко двору царского слуги, конюшего, боярина Бориса Фёдоровича Годунова. Его казначей расчёт даст.

– Батогами меня с того двора не сгонят? – заволновался продавец.

– Тебе, дурню, царёв брат слово дал, а ты смеешь сомнения являть? – опять начал делать суровое лицо старый пройдоха. – Куда ты третьего татарчонка из ихней ватажки девал?

---

⁶⁴ Ясырь – невольник.

– Отдал купцу Фёдору, что с Астраханью торг ведёт, тотто был смирен и разумен, русскую речь разумел, и татарскую, и наречья разные ногайские, что улуногай и кичиногай именуются. Больно он купчине понравился, в прикащики его возьмёт, быстро выкупится, я за него всего двенадцать рублёв получил.

– Нам же бедностию жалился, хитрован! – попенял дворянину Бакшеев.

Связанный татарчонок, слыша такую лестную характеристику своему компаньону, прошипел:

– Шура, огул шур!

– Ты рабом не бранись, может так статья, сам долю холопью сполна хлебнёшь, – философски посоветовал крымчаку рязанец.

Так мы и выехали к воротам. У молодого черкеса при виде упеленатого молочного брата сжались кулаки, но вступивший с ним в беседу Афанасий разрядил обстановку. Выбравшись на улицу, старый воин сообщил мне, что надо бы кого послать поискать купца и забрать у него прикупленного приказчика.

– Зачем он нам, Афанасий? Да зачем нам два его дружка по разбою? – удивился я.

– Вишь метку на груди и плече татарчонка?

Присмотревшись, я заметил под лохмотьями знак в виде перевернутой набок двузубой вилки.

– Вилка какая-то.

– То-то, знак сей не простой, бийский, тамга рода Барын. Из ближних родичей бия полоняник наш, может, даже сынок. Вот посему и третьего нам схватить надобно, чтоб не поведал кому не следует о птичке такой редкой.

– Дак как же, ты ж говорил, знатных надо царю отдавать. На них обратно пленных выменяют?

– А, пустое, – махнул рукой ветеран. – Привезут за него татары три десятка нашего люда, что и так выработался, обычаем их отпускать таковских рабов надобно. В посольство по эдакому делу сотню крымчаков пришлют, те нажрут, напьют, да и даров стребуют многих. Дело богоугодное, а казне вред один да хищничеству пособление.

По возвращении к хоромам рязанец распорядился, чтобы полон заперли отдельно, и вступил в диспут с управляющим годуновским хозяйством на предмет выделения денег. Тот послал гонца к боярину и по возвращении того, кряхтя и причитая, стал отсчитывать принесённое из домово́й казны серебро. На торжища и гостиные дворы были посланы угличские люди с наказом найти купца с его купленным холопом.

– Коли не захочет отдать за серебро возмездное, так грозите ему судом, поостережётся, чай, с царёвым братом тяжбу тянуть, – поучал их проводить деловые переговоры Бакшеев.

Глава 16

К вечеру Иван Лошаков привез хнычущего мальчугана годами чуть старше моего одолженного тела. Порасспросив его, Афанасий Бакшеев остался очень доволен. Из рассказа мальчишки мы узнали, что зовут его Габсамит, он сводный брат буйного по имени Байкильде, а кунака его брата кличут вообще малопроизносимо – Гушчепсе. Отец их не был карачбием, но приходился тому двоюродным братом и являлся знатным и богатым землевладельцем мурзой. Байкильде был его младшим и любимым сыном от законной жены, а Габсамит – меньшим от наложницы, русской девушки с Волыни. Рязанский служивый разъяснил, что самый молодой из татарчат – чага, неполноправный член семьи, рождённый от невольницы.

– Ничего, окрестим, выкормим – подъячим посольского приказа станет, с эдаким умением толмачить, может, до думных чинов дорастёт, – размышлял Афанасий. – Зело великая польза от него будет.

Уже стемнело, когда на двор приехал Годунов. В выделенную мне опочивальню прислали слуг, передавших настойчивую просьбу боярина прибыть в его палаты для беседы.

Происходивший в большой трапезной, за огромным тяжелым столом, при свете небольших масляных лампадок наш разговор со стороны должен был выглядеть точь-в-точь как тайная встреча заговорщиков. Сообщил царский шурин решение боярского суда: всех братьев моей матери и деда отправляли в малые северные городки с приставами, их семьям разрешили остаться в небольших вотчинах казанских и нижегородских уездов, остальное имущество изымалось и передавалось мне. Этим же судом к смерти приговорили всех непосредственных участников убийства государевых людей, а основные участники событий ссылались в Сибирь. Большинство имён осуждённых принадлежало холопам Нагих, но посадские тоже присутствовали. Общее количество наказанных составляло примерно тридцать человек, но никого из близко знакомых мне людей там не оказалось.

Участь моей матери была решена советом высших иерархов церкви во главе с патриархом Иовом, ей было указано принять пострижение в монахини. Обителью назначили будущей старице владимирский Княгинин монастырь, место почётное, но удалённое от Москвы. Там уже пребывала одна бывшая царица, разведённая жена Ивана Иоанновича – Прасковья. В кормление Марье Фёдоровне были пожалованы Холопий городок ⁶⁵ да по половине слободы Рыбной и Мологи ⁶⁶. Также Борис Фёдорович передал кучу грамот, жалованных и тарханных ⁶⁷, на князя Дмитрия Иоанновича Углицкого, так теперь звучало моё официальное имя. Помимо Углицкого уезда с городом, мне даровались и отошедшие в казну по смерти последней жены покойного старшего брата, царевича Иоанна, городок Устюжна со всеми волостями и станами, да несколько крупных вотчин, самой ценной из которых было село Черкизово в Горетовом стане Московского уезда. Однако для контроля за финансами посылался дьяк из приказа четверти Петелина ⁶⁸, да в столицу удела направлялся стрелецкий голова, которому поручалось набрать полк городовых служивых. Обязанность финансировать этот отряд, подчиняющийся

---

⁶⁵ Холопий городок – древнерусский торговый город (XIV–XVI вв.) на реке Мологе, позднее село Старое Холопье, Борисоглебское; затоплено при строительстве Рыбинского водохранилища.

⁶⁶ Слобода Рыбная – позднее город Рыбинск. Расположен у слияния рек Волги, Шексны и Черёмухи. Слобода Молога – позднее город Молога, располагавшийся при впадении реки Мологи в Волгу и затопленный Рыбинским водохранилищем.

⁶⁷ Тарханные грамоты – несудимые грамоты, первоначально – название ханских льготных ярлыков, которые выдавались церковным людям в татарскую эпоху; впоследствии особый вид жалованных грамот, предоставлявших патриарху, архиереям, монастырям, князьям и знатым боярам не быть судимыми никем, кроме государя, и не платить повинностей.

⁶⁸ Приказ четверти Петелина – четвертной приказ под управлением дьяка Петелина. Четвертные приказы (Чети) – центральные государственные учреждения в России XVI–XVII вв. с финансовыми и административно-судебными функциями по отношению к определённым территориям страны.

центральному правительству, лежала полностью на удельной казне, она же должна была содержать и ямские дворы на дорогах. Эту пилюлю мне подсластили жалованьем из царской казны и от Годунова лично, переводить цену мехов и дорогих сукон в денежную стоимость я не умел, но только монетой мне причиталось почти полторы тысячи рублей. Большая это сумма или не очень, было не ясно, но казначей, которому передали приказ хозяина поутру готовить денежное серебро, казалось, потерял дар речи.

Поутру, проснувшись, я опять саботировал поход в церковь, уговорив Ждана посетить главную торговую площадь, раскинувшуюся у стен Кремля. Афанасий же направился в приказ большой казны хлопотать о получении подаренных денег. Торжище было большим, с сотнями лавок, наполненных различными товарами. Покупок я не совершал, больше меня интересовали представленные товары и цены на них. Поскольку каждый купец старался торговать своей, ему одному лишь ведомой мерой, понять, у кого что дешевле или дороже, было непросто. Походным калькулятором служил Ждан Тучков, приводивший все меры и стоимости к известным мне значениям. Соотношение цен на некоторые товары с точки зрения гостя из будущего казалось поразительным. Фунт не самого качественного сахара стоил как пуд мёда или полпуда чёрной икры, а бочка сельди стоила как восемь огромных осетров, или около трёх пудов отборной паюсной икры. Собственно, любой привозной товар ценился в разы дороже отечественного, иностранное сукно было в десять раз дороже грубой русской сермяги. Хлопковые или, как их называли купцы, бумазейные ткани, а также шёлковые превышали стоимость льняного холста от пятидесяти до тысячи раз. Что ж, у торговли в это время явно имелся большой потенциал.

Из местных изделий наиболее отличались в цене простая материя от окрашенной и кузнечное железо от передельной стали – уклада. Собственно, несложная, на мой взгляд, переработка давала удорожание в несколько раз. Побродив часок в задумчивости по центральному рынку Москвы, мы направились к месту проживания, прикупив лишь в книжном ряду несколько стопок бумаги за десять алтын. По возвращении на двор конюшего боярина я поразился царившей там суете.

– У Борис Фёдорычева скрягиключника всё потребное получил, с царёвыми казначейскими дьяками потолковал, до полудня дарам счёт окончат, можно забирать да отъезжать до Углича, – выкрикнул весёлый Афанасий Бакшеев.

– Как же ты совладалто с приказными оглоедами? – поразился воспитатель. – Каковским образом не заволокнули отдачу нашу?

– Да посулил им по десяти рублёв, ежели к полудню поспеют, – ухмыльнулся ушлый рязанец, – дабы у них ретивость проснулась, вот и вся недолга.

– Волен же ты княжье добро в пусто раздавать! – возмутился Тучков. – Щедр как за государев счёт, шельма. У нас, поди, царёва грамота на поминки имеется, алтын бы двадцать за уважение отдал, да и всё.

– Жалует царь, да не жалует псарь! – продолжал веселиться Афанасий. – Зато сукна будут не гнилы, да меха не трачены, и деньги не обрезаны. Ты бы помог подводы да мужиков возчих понаймовать, а то ямские цену просят несусветную. Яз же поищу стрельцов каких, по ряду на сторожение ⁶⁹, на такое добро лихие люди, аки пчёлы на мед, слетятся.

Что ж, по опыту моей прежней жизни, сумма отката за быстрое выделение государственных средств была весьма умеренна. Отраднo было понимать, что в сфере бюджетного финансирования преемственность традиций вполне себе существует и никуда пропадать не собирается. Через несколько часов телеги были найдены, багаж на них увязан, к конвою присоединилась группа конных стрельцов человек в двадцать.

---

⁶⁹ По договору на охрану.

– Еле сговорился, – сообщил приехавший с ними Бакшеев. – Полкового голову одарил пятью рублями, чтоб ребят этих от караулов освободил, да молодцам обещал по двадцати алтын каждому и оплату зелья со свинцом, ежели дело ратное будет.

Судя по тому, что только серебра монетой, упакованного в лари, мы получили около семи пудов, да с нами находилось восемь телег с мехом и тканью, меры предосторожности, принятые ветераном-пограничником, лишними не являлись. Выехал из Москвы наш отряд немногим позже полудня, не дожидаясь возвращения боярина Годунова из дворца. Езда по столичным улицам на подводе оказалась многим хуже верховой. Сидевшие на последних повозках пленники морщились и стискивали зубы так, что казалось, будто их пытаются. Татарчат рассадили по разным возам, охраняли двух старших литвинские наёмные солдаты. Правда, сторожами те воины оказались весьма посредственными, и от них было больше изображения дела, чем пользы.

Стольный град обоз проехал чуть больше чем за час, и то благодаря нашим стрельцам, знавшим в лицо всех воротников и караульных. По выезде на крайние слободы мы увидели начало постройки нового кольца рвов и валов со стенами вокруг города. По местным масштабам размах строительных работ был воистину циклопическим. Неудержимое любопытство заставило меня забраться на свежую насыпь. Осматривая окрестности, я вдруг осознал внезапную догадку о своём местонахождении. Именно в этом месте через несколько веков пересекутся Садовое кольцо и проспект Мира. Вообще, всё походило на то, что строятся новые стены именно по контуру кольцевой магистрали далёкого будущего. Интересно, какой в этом мире станет карта московских дорог лет через триста-четыреста?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.